

ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

**ПЕСНЬ
УХОДЯЩЕГО
ЛЕТА**

ЧЕМ
ОКОНЧИТСЯ
ПОСЛЕДНЕЕ
ЛЕТО ДЕТСТВА?

Екатерина Дибривская

Песнь уходящего лета

Юная Маша только окончила школу и стала совершеннолетней. У неё осталось последнее беззаботное лето. Скоро начнётся учёба в вузе. Совершенно новая, взрослая жизнь. И, возможно, Маша встретит свою любовь. В это последнее лето Маша отправляется с подругой на море, в небольшой прибрежный городок, где двадцать три года назад познакомились её родители. В глубине души Маша надеется, что это лето изменит всё. Но всё изменяет не лето, а хмурый мужчина, волей судьбы спасающий хрупкую Машу от всяческих передряг. Чем же закончится последнее лето детства?

Содержание

Пролог.....	0005
Глава 1.....	0006
Глава 2.....	0009
Глава 3.....	0013
Глава 4.....	0017
Глава 5.....	0022
Глава 6.....	0026
Глава 7.....	0030
Глава 8.....	0034
Глава 9.....	0038
Глава 10.....	0043
Глава 11.....	0047
Глава 12.....	0052
Глава 13.....	0057
Глава 14.....	0061
Глава 15.....	0066

**Екатерина Дибривская
Песнь уходящего лета**

Пролог

Хруст простыни под спиной, лёгкие поцелуи по всему телу, аккуратные прикосновения грубых пальцев, томные вздохи, тихие стоны... Это мог бы быть мой идеальный первый раз. С мужчиной, которому я хочу подарить свою невинность.

Но дальше откровенных ласк дело не заходит.

— Я не хочу, чтобы ты пожалела, — шепчет он, покрывая поцелуями мою шею. — Пусть будет так.

Пусть будет так! Это и проклятие, и пожелание. Завтра я уеду, и всё превратится в прекрасные воспоминания.

Пусть будет так! Руки, блуждающие по телу. Ненасытные поцелуи. Страсть, обжигающая жарче южного солнца.

Пусть будет так! Стоны, заблудившиеся в его поцелуях. Точечные прикосновения к разгорячённой плоти. Горячая твёрдость у белёсых бёдер. Пальцы, сжимающие чувствительную кожу. Губы, смыкающиеся вокруг чувствительной кожи. Возносящие на самую вершину блаженства. Дарующие чудеса...

Искры из глаз. Мурашки по коже... О Боже! О Боже! О Боже!

Пусть будет так! Потерявшись во времени и пространстве, я представляю, что это не конец. А самое начало.

Словно скоро мы не расстанемся навсегда. Словно всё только начинается.

Пусть будет так! Только, пожалуйста, никогда не заканчивается!

Если бы у нас было чуть больше времени, я бы не согласилась на выдвинутые условия. Но сегодня... Пусть будет так!

До самого последнего вдоха страсти, до сведённых кончиков пальцев, до пронзительной глубины поцелуев... Пусть будет так!..

Ранним утром я просыпаюсь, скованная крепкими мужскими руками. Только рассвело, а мне так не хочется прощаться.

Я жадно изучаю черты лица мужчины, что спит безмятежным сном рядом со мной. Я уверена, что ничего не окончится между нами. Даже учитывая, что сегодня я уеду.

Стук в дверь прерывает мои думы. И он же обрывает наше случайное счастье.

Мой отец врывается в комнату. Смотрит в неверии на развернувшуюся картину.

Я умоляюще смотрю на папу, но ему всё равно.

— Маша, оденься, — бросает холодно, и мужчина за моей спиной приходит в движение. — Живо!

Рука на моей талии на мгновение напрягается. Но Павел тут же берёт себя в руки.

— Ступай в душ, Машенька, — говорит мне. — Ничего не бойся.

Он протягивает мне плед, чтобы я прикрылась, и я застенчиво принимаю его. Выskalзываю из кровати. Подхватываю свои вещи. Скрываюсь за дверью ванной комнаты.

— У тебя большие проблемы, мужик, — говорит папа Павлу. — На хрена ты мне девочку попортил?

Глава 1

Поначалу мне кажется, что я ослышалась, поэтому я переспрашиваю у Лизы:

— Кто-кто с нами в поезде едет?

— Мой Глеб, — отмахивается она, пытаясь запихнуть чемодан в отсек для хранения рядом с моим, точно таким же.

Чемоданы мы купили буквально три дня назад на распродаже по акции «Два по цене одного». Ну и пусть они обошлись нам за те же деньги, что мы могли бы потратить и купить себе целых три чемодана, но именно такие, со слов Лизки, сейчас в моде в этом сезоне.

Кто вообще придумал эту моду на чемоданы? Мой папа назвал его кислотной тошниловкой, и я была с ним полностью согласна.

— Давай, Лизок, свою тошниловку, — вырастает в дверях купе папа, и подруга перестаёт пыхтеть, замолкая.

Я тоже прикусываю язык. Если папа узнает, что с нами в одном составе в сторону Крыма едет потенциальная угроза моей девичьей чести, то просто закинет меня на плечо и оттащит обратно домой, заперев до конца лета.

Папа закидывает наверх Лизкин чемодан, окидывает нас с подругой суровым взглядом и говорит на прощание:

— Проводница за вами приглядит, я договорился. Чай, кофе купите сами, не маленькие. На станциях-пятиминутках из вагона нос не высовывайте. И чтобы без глупостей. Никаких курортных романов!

Я закатываю глаза, еле сдерживаясь от язвительного комментария. Но если открою рот, боюсь, что орать придётся до самого дома. До самого сентября.

Я полгода уговаривала отца отпустить меня с Лизкой на море. Мы подрабатывали всю весну, помогая одноклассникам подготовиться к единому госэкзамену, успешно сдали сами, поступили в приличный вуз, справили моё совершеннолетие, и в качестве подарка и поощрения моих трудов папа дал своё согласие на наше путешествие. Целый месяц вдали от дома!

— Никаких курортных романов, дядь Дим, — серьёзно заявляет Лизка и чуть ли не прикладывает руку к своей голове, отдавая честь. Но вовремя останавливается. — Я пригляжу за Маськой, чесслово!

Я с трудом проглатываю смешок. Ну, конечно! Приглядит она! Да за самой Лизкой только глаз да глаз нужен! Стоило пустить дело на самотёк, как оказалось, что с нами увязался её ухаждёр-технар, да ещё и с сомнительным другом в придачу.

— Масьнь, ты всё помнишь? — папа целует мою макушку.

— Граждане-провожающие, просим покинуть вагон. Через три минуты поезд отправляется. — кричит проводница, продвигаясь по проходу спального вагона.

— Пап, я всё помню! — торопливо заверяю отца. — Буду звонить каждый день. Люблю вас!

— Хорошего отдыха, девочки!

— Пока! — кричим мы с Лизкой и выдыхаем, когда он наконец покидает вагон и машет нам с той стороны окна.

Но окончательно напряжение покидает меня только тогда, когда поезд плавно трогается, и мы отъезжает от перрона со стоящим на нём отцом.

— Так кто, ты говоришь, решил поехать с нами? — с лёгким прищуром спрашиваю у подруги.

— Масынь, мой Глебушка, и его друг Лёнька. С парнями веселее же, — щебет Лиза, игнорируя мой убийственный взгляд. — И не так страшно. Все свои. И потом, ты знаешь нашу ситуацию. А так — целый месяц свободы вместе с любимым!

Ситуацию я знаю, да. Пусть у Лизки и не такой строгий отец, а мать и вовсе компанейская, в отличие от моей интеллигентной мамы-поэтессы, но, узнав о наличии у дочери-школьницы двадцатилетнего парня-технаря, они были, мягко говоря, не в восторге.

Да и было от чего: Глебушка крайне смазлив и самонадеян, не пропускает ни одной юбки, даже меня — серую мышь и гадкого утёнка — умудрился облапать как-то на вечеринке. Я наглядно показала парню, почему изменять Лизе — плохая идея, и, кажется, он внял.

Что уж говорить о его компании! Такие же жалкие пацаны, мнящие себя эксклюзивными мачо! И одного из этих «мачо» позвали специально для меня!

Спустя полчаса, когда мы переодеваемся в комфортную одежду и собираемся включить сериал, раскладывая на столике еду, к нам в купе СВ приходят парни. Они заряжены по полной: с бутылкой шампанского для нас и бутылкой текилы для себя.

А когда мы все порядком навеселе, Лизка откровенно вешается на своего парня, а тот и рад запустить руки под её кофточку.

— Какая мерзость, — бубню себе под нос, и Лизка оскальчивается.

— Так прогуляйтесь с Лёнькой до вагона-ресторана, — вижу мольбу в её взгляде и уступаю.

Мы оставляем их наедине. В вагоне приглушен свет, все готовятся ко сну.

— Пойдём в ресторан? — Лёня мажет по мне масляным взглядом. — Чё в проходе топтаться... Гы... Или можно пойти в наш плацкарт, но там особо не разгуляешься, сама понимаешь.

Что он подразумевает под своим «разгуляешься», я не знаю и уверена, что не хочу знать.

— Пойдём в ресторан, — вздыхаю я.

Мы следуем в указанную проводницей сторону, вагон за вагоном, минуя тамбуры. В одном из них, прямо в подвижной части на стыках, между двух дверей, этот придурок решает позажиматься со мной.

— Ну что ты такая холодная, малышка? — хохочет Лёня и проводит языком по моей ушной раковине. — Нам целый месяц развлекаться вдвоём, так, может, не будем откладывать неизбежное и познакомимся чуть ближе?

— Ага, познакомимся, — ухмыляюсь я и скольжу рукой вниз по его телу.

Мачо замирает в ожидании острых ощущений. Что ж, с удовольствием ему их предоставляю!

Сжимаю в ладони его причиндалы и резко тяну на себя, словно пытаюсь завести бензопилу или газонокосилку, и парень взывает от боли.

Этому приёму обучил меня папа, едва мне стукнуло десять. Не думала, что мне когда-либо пригодится это знание, но папа, как всегда, оказался прав.

— Не для того папа ягодку воспитывал, чтобы ты её сорвал, дружок, — доверительно говорю Леониду в лицо и продолжаю двигаться в сторону вагона-ресторана.

Я убью Лизку!

Глава 2

Я испытываю даже не злость. Разочарование, может, некоторую брезгливость от того, что Лизаветта так просто предала наши совместные планы в угоду личным интересам и теперь с самым невозмутимым видом убеждает меня, как лучше поступить!

— Это всего на десять дней, Масынь, — спрашивает она. — У Глебушки тётка в Новом Свете, пустит нас пожить бесплатно. У неё и домик гостевой есть, никаких посторонних. Только мы и ребята. Две комнаты, санузел, душ.

— Нам с Лизоном, чур, спальня, — вставляет Глеб, проходясь языком по шее подруги.

Фу! Какая же мерзость! Я вовсе не ханжа, не подумайте, и даже однажды целовалась с мальчиком. Нам было лет по пятнадцать, ботаники-отщепенцы, и мы решили во что бы то ни стало научиться целоваться. Собственно, после наших опытов Никита начал встречаться с Олькой Смирновой, королевой нашего класса, и на десятом году обучения они даже вступили в половую связь. А я... Ну с моим папочкой не то, что на парней, у меня и на саму себя времени не хватало. Я вовсе не против романтики и отношений, но вот это проявление похоти на людях разве не отвратительно?

— А я и не против, — вставляет неудавшийся герой-любовник Леонид. — Глядишь, смогу захватить неприступную крепость в свой плен.

— Только в своих мечтах, мачо, — я закатываю глаза. Боже, на это реально кто-то покупается? — Лиза, у нас был чёткий план, в котором не было Глеба и Лёни, Нового Света, тётки и доступного жилья.

— Мы тут на целый месяц, Мась. У нас останется двадцать дней, чтобы добраться до Тарханкута и полюбоваться рассветами и закатами. Не будь такой эгоисткой...

— Это я-то эгоистка? — повышаю голос. — Ну, конечно, это же так эгоистично с моей стороны воспротивиться твоему стремлению угробить мою давнюю мечту из-за твоих отношений! Спасибо, что поставила меня в известность и позаботилась о компании!

— Я хотела, чтобы всем было хорошо! — кричит в ответ Лизка. — Что плохого, что мы бы повеселились с парнями? Ты же сама хотела завести легкомысленный курортный роман, я просто тебе помогла! Ты же сама бы и не решилась, будто я не знаю тебя как облупленную! Так и просидели бы на твоих скалах весь месяц! Ради того, чтобы оставаться послушной папиной дочкой, вовсе не обязательно ехать на другой конец страны!

Глаза жжёт от обиды на слова лучшей и единственной подруги. Я понимаю, что наша ссора ни о чём.

Я не могу понять её одержимости Глебом, потому что никогда ещё не была влюблена. Она не понимает моей одержимости Западным Побережьем, мысом Тарханкут, небольшим приморским посёлком Оленевка с огромным белым маяком.

Всё это стало так размыто в моей памяти, ведь крайний раз я бывала здесь больше десяти лет назад. Сразу после окончания первого класса. Потом — то у отца возникли сложности на работе и отпуск пришлось отменить, то у мамы выдалась творческая поездка на север страны, и мы рванули следом за ней. Потом случился переворот, Крым сменил статус, а моя бабушка приболела, и

отец буквально за неделю уладил всё в своей манере: продал габаритные вещи и дом, забрав бабушку в Москву.

Бабушки не стало пять лет назад. Возможно, отчасти я гонюсь за воспоминаниями о своём детстве и о ней. А возможно, я надеюсь, что так же, как и мама, встречу там свою любовь.

Ей тоже только исполнилось восемнадцать, когда они с папой познакомились на танцах. На самом берегу. На закате. Возле большого костра. Под песни под гитару. Это же так романтично!

Куда романтичней лобызаний на центральной площади вокзала Симферополя посреди толпы людей!

— А тогда давай поспорим, что я встречу свою любовь за десять дней, пока ты занимаешься своей! — неожиданно для самой себя выпаливаю я вместо слов обиды.

— Ты же не всерьёз, Маська, — обеспокоено смотрит на меня подруга. — Не гони. Отдохнём с парнями, а потом...

— Нет, всё решено. — отрезаю с улыбкой. — Мне нужно выйти из зоны комфорта и перестать быть папенькиной дочкой, ты права. А значит, мне просто необходимо провести десять дней наедине с собой... Вот увидишь, ты встретишься с абсолютно другой версией меня! И я обязательно с кем-нибудь познакомлюсь.

— Ты сошла с ума, — качает головой Лизка.

И даже Глеб поддакивает ей.

— Я просто знаю, что мне нужно туда, — неоднозначно машу рукой примерно в западном направлении. — Не через десять дней, а именно сейчас.

Лизка бросается мне на шею и чуть ли не рыдает.

— Масынь, пожалуйста, не надо. Хочешь мы с тобой поедим? Сразу туда? Ну найдём жильё побюджетнее, хрен бы с ним, с Новым Светом.

— Лизунь, всё в порядке, честно. Ты проведёшь время с Глебом, Лёнька закрутит курортный роман с какой-нибудь фифой, а я приведу мысли в порядок, не напрягая вас.

— Если что-то пойдёт не так...

— Я сразу приеду к вам! — обещаю подруге. — Или вы — ко мне. Словом, ничего страшного не произойдёт. Если мне наскучит, или, когда ребята уедут, мы встретимся и продолжим наше путешествие согласно плану. Но эти десять дней я хочу провести там, как и рассчитывала.

Я не позволяю Лизке расклеиться, умоляюще взирая на Глеба, и он подхватывает её чемодан и уводит в сторону стоянки такси.

Я не буду столь расточительна. Тем более, что до Евпатории можно вполне удобно доехать на электричке.

Дневное солнце припекает вовсю, и я подхватываю ставший вдруг тяжёлым чемодан и следую к пригородной кассе.

— Здравствуйте, мне билет на ближайшую электричку до Евпатории, пожалуйста, — отстояв длинную очередь в духоте, наконец произношу в окошко.

— Сто двадцать восемь рублей будет стоить билетик. Ближайший электропоезд через пять часов.

— Как это — ближайшая через пять часов? — округляю глаза.

Мне кажется, что электрички должны ходить примерно как МЦК. Пусть не

раз в десять-пятнадцать минут, но хотя бы раз в полчаса. Хорошо, пускай раз в час! Но не через пять же часов!

— Билет брать будете? — злится кассирша.

— Попытаю счастье на автостанции, — широко улыбаюсь в ответ, и она усмехается:

— Ну-ну, попытайте!

Я отхожу от окошка, тащусь с чемоданом обратно мимо очереди и вдруг слышу:

— Девушка, быстрее только на такси будет. Ближайший автобус только в полночь.

Чудесно, просто чудесно! Ждать на вокзале я не хочу, поэтому остаётся только один выход.

И я иду на стоянку такси.

Разномастные мужчины у разномастных машин с шашечками стоят и точат лясы, но оживляются при моём приближении.

— Здравствуйте, до Оленевки кто согласится поехать? И во сколько мне обойдётся это счастье?

— Три пятьсот, и поехали, красавица, — вызывается только один.

— Блин, — вырывается у меня. — А чего так дорого?

— Не в ближний свет по пеклу самому тащиться, — говорит мне таксист. — А больше никто не поедет, это только тачку гробить.

От досады кусаю губу. Расстаться вот так сходу с весьма и весьма ощутимой для меня суммой я не готова, но и торчать на вокзале не хочу. Мне хочется скорее окунуться в бескрайнее синее море, скинуть тяжесть поездки и расслабиться. А ещё мне нужно найти жильё. И делать это на закате дня будет крайне проблематично.

Я не знаю, как поступить. В другом случае я бы позвонила папе, и он обязательно нашёл бы выход. Или просто оплатил бы мне это чёртово такси.

Но раз я решила быть самостоятельной, то и решение должна принять сама. Да и не могу же я сказать ему правду!

Я уже открываю рот, чтобы согласиться на предложенную сумму, когда позади меня раздаётся смущённое покашливание.

— В Оленевку едете? — тихо спрашивает мужской голос, и я оборачиваюсь.

Мужчина взрослый, вполне респектабельный, ну по моим меркам, высокий подтянутый брюнет, телосложение, скорее, спортивное, но не атлетическое, одет прилично, на лице щетина и солнцезащитные очки.

— Сколько? — прямо спрашиваю у него.

Мужчина снимает очки, внимательно смотрит на меня. Его глаза синие, как воды Чёрного моря.

— Бензин пополам, идёт? — предлагает с усмешкой, от которой я заливаюсь румянцем.

— Идёт, — киваю ему.

Слышу за спиной неодобрительные шепотки.

— Ой, ду-у-у-ра! — тянет таксист. — Таких, как ты, потом по кустам находят да в море отлавливают.

— Воздержитесь от инсинуаций, — неожиданно твёрдо бросает ему мужчина. — Наживаться-то на таких «дурах» вы все мастера.

В два размашистых шага мужчина подходит ко мне и подхватывает мой

чемодан. Совсем как пушинку.

— Если боишься, можем зайти на пункт полиции на вокзале, так сказать, зарегистрируем передвижение. Если что случится с тобой по пути к конечной точке маршрута, меня поймают, — на полном серьёзе предлагает он мне.

Я прыскаю, но тут же закашливаюсь.

— Да верю я вам, верю! Можно, мы просто уже поедем?

Мужчина с усмешкой спрашивает:

— И как же зовут такую нетерпеливую особу?

От его смеющегося взгляда мне не по себе. Во рту пересыхает, но я хриплю:

— Маша.

— А я — Павел Александрович, — представляется мужчина. — Обещаю довести в целости и сохранности и позаботиться о тебе в случае острой необходимости, Машенька.

Глава 3

В кондиционированной прохладе салона автомобиля представительского класса с комфортом поглощаются километры. Поначалу я настороженно приглядываюсь к новому знакомому, то и дело бросаю быстрые взгляды на его профиль и огромные кисти рук, периодически сжимающие руль.

Но когда моему взору открывается глубоководный горизонт, искрящийся в солнечных лучах миллионами алмазных вкраплений, я забываю обо всех тревогах и жадно вглядываюсь в это великолепие.

Сижу вполоборота к мужчине и зачарованно люблюсь видом на море. Павел Александрович периодически бросает быстрые взгляды на мои обнажённые колени, на руки с зажатым в них телефоном, на моё лицо.

— Я действительно не маньяк, который подкарауливает молоденьких девушек и убивает их по пути до конечной точки маршрута, — говорит мне, съезжая на заправку. — Посидишь или тебе нужно выйти на воздух?

Он открывает дверцу. Сухой знойный воздух врывается в салон, касается моего тела.

— Я посижу, — пишу я, и он с усмешкой кивает.

Пока мужчина заправляется и оплачивает бензин, я смотрю в отражение, прямо в свои глаза. И чего распереживалась, глупая? Сердце вон того и гляди из груди выскочит!

Мне практически удаётся успокоиться к тому моменту, как Павел Александрович возвращается, занимает место водителя и протягивает мне бумажный пакет.

— Что это? — спрашиваю удивлённо.

— Здесь готовят вполне неплохие сэндвичи, — мне кажется, или он действительно покраснел? — Взял нам перекус, воду и по мороженому, если ты не против составить мне компанию. Километров через десять будет видовая площадка, можем подкрепиться с видом на море.

— Звучит... заманчиво, — протягиваю я.

Чувствую, как щёки мои вспыхивают словно алое знамя, развевающееся на ветру, а сердце снова взлетает к самому горлу и колотится пуще прежнего.

Спустя несколько минут пути, Павел Александрович тормозит, съезжая к обочине, и мы покидаем прохладу салона.

— Идём, Машенька, — зовёт меня мужчина в сторону массивных придорожных кустов, и я впадаю в ступор, вызывая ухмылку на его лице: — Ну наконец-то нормальная реакция! А то строила из себя смелую и безбашенную.

— Что?! — возмущённо ахаю я, — я не строила! И ничего я не боюсь. Ведите!

Я упрямо вскидываю подбородок. Кажется, слышу его сдавленный смех. И пусть мне чуточку обидно, но я не собираюсь показывать виду. А через пару сотен метров мне становится вообще всё равно: между стволов вековых кипарисов, тисов и сосен открывается роскошный вид на лазурную гладь.

Здесь, на небольшой полянке, для путников обустроено место для пикника — деревянный стол с лавками, и мы устраиваемся за ним.

Пока я люблюсь открывшимся видом, Павел Александрович расстилает салфетки и выкладывает нехитрое угощение. Нехитрое только на первый взгляд. Стоит лишь надкусить сложный бутерброд, как я тут же несдержанно

впиваюсь в него зубами. Ничего вкуснее не ела!

Между хорошо прожаренными булочками из цельнозерновой муки много сочной зелени, тонкие пластинки помидора и огурца, ломтики пармского окорока и какой-то абсолютно нереальный нежнейший соус, который стекает по моему подбородку и пальцам вместе с помидорным соком.

— Очень вкусно, спасибо, — искренне благодарю своего рыцаря-водителя, который, к слову, съев свой сэндвич, даже не запачкался.

— На здоровье, — кивает он, протягивая салфетки.

Но я просто свешиваюсь в обратную сторону и умываюсь прохладной водой, поливая на руку из бутылки.

Я упрашиваю мужчину немного прогуляться, пока мы едим подтаявшее мороженое. После поезда и автомобиля мне хочется немного размяться. Здесь же прогуливаться сплошное блаженство: в тени деревьев гуляет редкий ветерок, тёплый воздух пахнет можжевельником и хвоей.

Вижу какой-то причудливый кустарник и бросаюсь к нему. Не сразу понимаю, что к ветвям привязаны белые ленты и тряпицы.

— Надо же! Как чудно, Павел Александрович! — кричу мужчине.

Кружу вокруг куста, пока он не замирает неподалёку.

— Считается, что фисташка исполняет желания.

— Нужно только что-то привязать к её ветвям?

— Не думаю... — озадаченно тянет мужчина. — Это, скорее, просто красивая традиция.

Я стремительно опускаюсь на корточки и обрываю шнурок своих кед. Тянусь на мысочках, притягиваю к себе ближе высокую ветку и завязываю очаровательный бантик, тщательно формулируя своё желание.

— Здорово будет, если сбудется, да? — с улыбкой поворачиваюсь к мужчине, и он не успевает убрать со своего лица престранное выражение.

Он что же, пялился на мой зад? Не может быть! Вероятно, я накручиваю!

— Будет здорово, Маш, — глухо откликается он. — Пора ехать дальше.

— Да, только одну секундочку, — я отступаю спиной назад, включая камеру.

Хочу сделать первое фото на память и вместить туда весь кустарник в белых «цветах».

Мне приходится потихоньку «подтягивать» ногу в кеде с порванным шнурком, потому что он так и норовит слететь со ступни. Я настолько увлечена этим занятием, что сразу и не понимаю, когда земля уходит из-под ног, оканчиваясь крутым обрывом.

Практически в тот же миг моё запястье сжимает крепкая мужская рука, не давая окончательно повалиться, тянет так, что лбом упираюсь в широкую мужскую грудь. Краткий миг, и он отстраняется. Синие-синие глаза смотрят строго. Прямо в упор.

— Ты должна быть очень внимательной, Машенька, — качает он головой. — Обещай мне, что никогда не станешь подходить к краю обрыва. Может случиться обвал породы, да и просто неловко оступиться, как сейчас...

Его губы сжимаются в тонкую нить. «Это просто нелепая случайность», — хочется возразить мне, но мы снова приходим в движение, возвращаясь обратно в сторону припаркованной машины.

— Чем же ты планируешь заняться в отпуске, Маша? — спрашивает муж-

чина, когда пар перестаёт валить из его ушей.

Он уверенно ведёт машину по горному серпантину, успевая одаривать меня взглядом, спрятанным за тёмными стёклами очков.

— Как все, — пожимаю плечами. — Отдохнуть, набраться сил, проводить последнее лето детства и влюбиться.

— Такие бесхитростные девочки не должны путешествовать в одиночестве, — цокает он. — Слишком легко на курорте стать жертвой злоумышленников.

— Я вовсе не маленькая, глупая девочка, — обиженно бубню себе под нос. — Мне уже восемнадцать, я могу позаботиться о себе.

— Ну конечно, — усмехается Павел Александрович. — И трёх часов не прошло, а ты уже нашла целых три приключения!

Он снова смотрит мне в лицо, на этот раз продолжительнее. Под его взглядом я краснею и жую губу, тщетно пытаюсь скрыть неловкость.

— Это, например, какие?

— Таксист тебя чуть не облапошил — раз, ты села в машину с незнакомцем — два, чуть не свалилась с крутого обрыва — три... — перечисляет он с лёгкой улыбкой. — Мне даже страшно представить, что ждёт впереди с такими грандиозными планами на отпуск! Да ещё и в одиночестве.

— Знаете, что?

— Что? — Он снимает очки. Синие глаза расплёскивают волны негодования. — Ты должна быть внимательной, Машенька, если не хочешь попасть в плохую историю.

— Скоро ко мне присоединится подруга, — говорю ему. — Пока я найду жильё, поваляюсь на пляже, съезжу на экскурсию... Словом, скучать не буду, но и не собираюсь бросаться в омут с головой. Я всегда внимательна и контролирую всё вокруг себя.

— Ну-ну, — усмехается он. — Я живу недалеко от маяка, спросишь дом Бекасовых, тебе подскажут. Если попадёшь в затруднительное положение, пожалуйста, не строй из себя гордую и независимую, я помогу, чего бы это не было.

— Спасибо, конечно, за предложение, но я сомневаюсь, что у меня могут возникнуть ситуации, когда мне потребуется ваше участие!

Я отворачиваюсь и направляю взгляд в окно.

— Обиделась? — хмыкает мужчина.

Протягивает руку, и у меня перед лицом оказывается «Киндер-Сюрприз».

— Что это? — хмурюсь я.

— Вкусный молочный шоколад и игрушка, — говорит Павел Александрович словами из рекламы. — Разве большие девочки перестают любить киндер-ры?

На его лице неподдельное удивление, и это вызывает у меня улыбку. Я принимаю яйцо, раскалываю на две части и тут же вскрываю пластиковый контейнер. Мне на ладонь падают фенечка из бисера и тонкое кривоватое колечко с плетённым из бисера неказистым цветком.

— Ого, Павел Александрович! — восклицаю я, и он отрывает взгляд от дороги, переводя его на меня. — Да вы дамский угодник! Шоколад, украшения... Просто стопроцентный способ сразить невинную девушку наповал!

Глаза мужчины округляются, и он закашливается. А до меня вдруг доходит, что именно я только что сказала. Какой стыд!

Я пожёвываю губу, чтобы не расплакаться от досады. Какой же неловкий момент!

— Я весьма и весьма польщён, Машенька, что такая юная особа всё ещё способна проявить ко мне интерес... Несмотря на очевидную разницу в возрасте, — он подмигивает мне. — Старикам вроде меня иногда полезно взбодриться...

— Вовсе вы не старый! — вырывается у меня, и я заливаюсь румянцем. — Вы сильный, мужественный и привлекательный...

Я прикусываю язык. И так наболтала уже больше некуда. И сколько ещё могу!..

Там и невероятные синие глаза, и стильная стрижка густых тёмных волос, и лёгкая небритость, и крупные кисти рук с выпирающими венами, грубая кожа ладоней, и обветренные губы, изогнутые в кривой улыбке, и даже глубокая морщина, пролегающая между бровей...

Раньше мне и в голову не пришло бы засматриваться на такого взрослого мужчину. Сколько ему? Лет тридцать пять? Моему папе скоро сорок два, и он единственный мужчина, которого я до сегодняшнего дня считала красивым. Но теперь Павел Александрович захватил ветку первенства в моём личном рейтинге.

— Спасибо, Машенька, — тихо врывается в мои мысли рыцарь Павел. — Мне правда очень лестно, но, пожалуйста, будь осмотрительнее в другой раз. Ты никогда не можешь предугадать, что за человек рядом. Даже если он протягивает руку помощи, это вовсе не значит, что он не воспользуется тобой и не причинит тебе вред.

От его холодного взгляда кожа моментально покрывается мурашками. В синей глубине плещется буря и что-то ещё, мне незнакомое. Темнота заполняет всё синее пространство, а крупные руки с силой сжимаются на руле, и впервые мне действительно становится страшно.

Но вот на очередном горизонте появляются первые дома и опознавательный знак. Мы на месте.

Я прошу Павла Александровича остановить где-нибудь в центре, извлекаю из рюкзака кошелек и протягиваю мужчине полторы тысячи, стараясь не думать, что за дорогу я потратилась больше, чем планировала изначально.

Всё Лизка со своим Глебушкой! Почти всю дорогу мне пришлось торчать в вагоне-ресторане с космическими ценами!

В кошельке осталась всего пара тысяч, остальные сбережения запрятаны глубоко в чемодане. Я прощаюсь с попутчиком, устраиваюсь на ближайшей лавке и раскрываю чемодан.

Вот только там нет моих вещей...

Глава 4

Конечно, я сразу понимаю, в чём дело. Какая же я растяпа! Ведь ещё на вокзале почувствовала: что-то не так, но всё равно облажалась по полной! И теперь взираю на яркие платица Лизона и совершенно не понимаю, что делать дальше.

Набираю текст сообщения и тут же стираю. Пока Лизка отвлечётся от поцелуев и увидит его, я просто состарюсь! Проще позвонить, что я и делаю.

— Масянь, доехала? — пыхтит в трубку подружка.

— Я-то доехала, а ты?

— Мы только подъезжаем, заезжали в Ялту, Лёнька хотел прокатиться на фуникулёре...

— Значит, ты ещё не в курсе?

— Что случилось? — полошится Лизка. — Дожди, наводнение, цунами?

— Твой безголовый парень перепутал наши чемоданы, и это...

— О Боже! — перебивает Лизон. — Настоящая катастрофа!

Конечно, для модницы Лизки остаться на значительную часть отпуска с полным чемоданом моих практичных вещей из натуральных тканей подобно концу света! А мне-то что делать? Носить разноцветные мини и откровенный купальник? А главное, жить-то мне на что?

— А с другой стороны, Масянь, — протягивает Лизка. — Размер у нас один, и тебе полезно для выхода из зоны комфорта хоть раз в жизни расслабиться и надеть яркое платье, наплевав на мнение своей интеллигентной мамы!

— Да, но... — я собираюсь с духом, — ты же знаешь, что все мои деньги в чемодане?

— Так и часть моих, — усмехается Лиза. — Ты меня в итоге убедила, и я переложила некоторую часть суммы из кошелька в чехольчик с нижним бельём.

— Слава Богу! Сейчас я найду такси и приеду, заночую у вас, заберу вещи...

— Маш, да зачем? Считай, это часть приключения. Выполни максимальное количество пунктов в этой игре «Я никогда не...», — Лизка откровенно потешается, — на эти десять дней денег тебе точно хватит. Одежда и украшения имеются. Ты всё равно большую часть времени будешь проводить на пляже, так что...

Сомнительное удовольствие, но...

— Или ты уже передумала, Масянь? Я думаю, это нормально, что тебя пугают первые попавшиеся на пути трудности. Ты так долго сидела под папиным бдительным присмотром, что...

— Встретимся через десять дней! — выпаливаю в трубку и отключаюсь.

Я — умная и современная девушка, неужели не проживу две недели без своих шмоток? Если так посудить, то это Лизке не повезло — совершенно не её стиль!

Приободрившись, я обхожу дом за домом в поисках комнаты. Но... то, что подходит мне финансово, не вызывает доверия: либо отвратительные, откровенные халупы, либо с мерзкими хозяевами — жирными мужиками, которые пялятся на мои стройные ноги, не смущаясь моего гневного взгляда или близости своих супругов, либо непомерно дорого, на мой взгляд, учитывая предыдущие пункты. Я понимаю, что сложно найти бюджетное и приличное жильё в

высокий сезон, но, пока есть время, буду искать до последнего.

Я тащусь с чемоданом к очередному дому, когда ко мне на тихом ходу подъезжает автомобиль.

— Машенька, — зовёт в открытое окно Павел Александрович, — какие-то проблемы?

— Кроме того, что более-менее приличное жильё мне не по карману, а то, что по карману, напоминают больше клоповник с озабоченным старпёром-хозяином? Уверена, что нет никаких проблем!

— К тебе кто-то... приставал? — Мужчина сводит насупленные брови к переносице, ноздри раздуваются от учащённого тяжёлого дыхания. — В каком доме это произошло?

— Ну что вы, Павел Александрович! Конечно, ко мне никто не приставал! — успокаиваю его. — И чтобы не возникало такого желания, я не собираюсь арендовать у них жильё.

Он выходит из салона и тянет на себя чемодан.

— Что вы делаете, Павел Александрович? — кричу я. — Отпустите!

— Я везу тебя в приличный дом с хозяевами, которые не полезут под твою юбку, — строго отчитывает меня, — не вопи, словно я тебя пытаюсь силой затащить в тачку.

— У меня не так много денег, — предупреждаю его. — Если они попросят дорого, я откажусь.

— Пятьсот рублей в сутки устроит? — с усмешкой спрашивает мужчина, и я с сомнением прищуриваюсь:

— Это где это вы такие цены на жильё встречали, Павел Александрович? Меня-то, конечно, более чем устроит, а вот устроит ли это хозяев?

Он наконец побеждает. Я отпускаю ручку чемодана. Мужчина с лёгкостью поднимает его, идёт по направлению багажника и снова укладывает туда мой багаж.

— Машенька, — поднимает на меня свой синий взгляд, — меня — устроит. Главное, что это определённо избавит от головной боли нас обоих.

Я хочу отказаться, когда до меня доходит смысл. Я вовсе не собиралась становиться для него обузой или головной болью! Но стоит мне открыть рот, как он опережает:

— Не глупи, дешевле жилья ты не найдёшь. У меня чисто, уютно и светло. И я точно не собираюсь причинить тебе вред — времени было предостаточно.

Павел Александрович смотрит с вызовом и распахивает для меня переднюю дверцу. Мои глупые ноги уже несут меня по направлению к мужчине, но в голове — настоящий бардак.

Я дохожу до мужчины, но, прежде чем нырнуть в салон, заглядываю в его глаза.

— А может, я не за ваши приставания переживаю, Павел Александрович? — говорит мой глупый рот. — Вдруг сама не сдержусь и как накинусь с поцелуями, что делать станете?..

В синей глубине вспыхивают лучики веселья, но выражение его лица остаётся серьёзным. Какой же он хмурый! Неужели так сложно улыбнуться?

— Это шутка, — сообщаю ему на всякий случай.

— Смешно, — кивает он, и рукой мягко подталкивает меня за талию в сторону салона. — Поехали, юмористка.

Дорога не занимает много времени: посёлок довольно-таки небольшой, вскоре мы проезжаем маяк и паркуемся у большого белого дома с синими ставнями.

На безмолвное приглашение следовать за ним — следую. Минуем молодой сад, кажется, абрикосовые и персиковые деревца, красиво обрезанные декоративные кустарники, клумба с цветами. Во всём чувствуется женская рука, и я бросаю быстрый взгляд на правую руку мужчины. Кольца по-прежнему нет, уж его бы я не проглядела.

Мы достигаем невысокого порога, и Павел Александрович отворяет дверь ключом.

— Добро пожаловать, Машенька, — тихо говорит он, и я осматриваюсь по сторонам.

Просторные, светлые комнаты наполнены домашним уютом. Вязаные крючком ажурные салфетки на столах и тумбах, красивые занавески с цветочным принтом, воздушные тюли, декоративные подушечки, горшечные растения... Всё это никак не вяжется с хмурым, не улыбчивым мужчиной, что внимательно изучает моё лицо.

— Здесь... довольно чисто, — констатирую я. Боже мой, ну что за дура?! — У вас прекрасный дом, Павел Александрович.

— Спасибо, — кивает он, — это дом моей матери, сам я давно живу в Москве.

— А она..?

— В больнице, перелом шейки бедра. Вот я и приехал сразу.

— Мне очень жаль, что так вышло, — рассеянно говорю ему.

Я действительно не знаю, что и сказать. Мало ему проблем семейных, так ещё и я свалилась как снег на голову!

— Гостевые спальни на первом этаже, ты можешь занять правую, ванная комната здесь, кухня — там, — он и сам кажется крайне недовольным своим решением позвать меня, — на втором этаже тоже есть ванная, но напор слабый. Ещё там комната моей матери, детская и гардеробная, словом, жилая зона хозяйки.

Он мнётся, но я иду на выручку:

— Я поняла, что ничего интересного. Не волнуйтесь, Павел Александрович, я вовсе не аферистка и не собираюсь рыться в комоды вашей мамы. В ближайшее время я подыщу более-менее приличное жильё и съеду. Мне крайне неудобно, что я вас напрягаю...

— Ну что ты, Машенька! Ты никоим образом меня не стесняешь, напротив, в какой-то степени я даже рад, что не придётся быть тут в одиночестве. Знать, что за стенкой живой человек, приятно.

— За стенкой? — неожиданно краснею я.

— Моя спальня — слева, — поясняет он, и мне кажется, что под его загаром тоже проявляется румянец.

Мужчина быстро показывает мне мою комнату, чистые полотенца и постельное бельё. Пока я иду освежиться в душ и сменить одежду, он готовит лёгкий перекус, и мы запоздало полдничаем в некотором смущении.

Теперь между нами напряжённая тишина. Одно дело перебрасываться шуточками на улице, совсем другое — сидеть за одним столом в домашнем виде. Слишком интимная обстановка!

Я тороплюсь, чтобы успеть на пляж засветло. Павел Александрович выдаёт мне запасной комплект ключей, и наконец я выхожу из дома странного гостеприимного хозяина и иду за толпами туристов, интуитивно надеюсь, что они, в отличие от меня, точно знают куда идти.

В Лизкиных шмотках я чувствую на себе сотни взглядов. Мне некомфортно. Но разве я не смогу пережить это маленькое испытание? Да легко!

И вот я наконец достигаю своей цели: выхожу на широкий песчаный пляж. Закатное солнце ласкает кожу, и я отыскиваю местечко поближе к самой кромке воды и скидываю топик с шортами.

Бегу навстречу волнам, задыхаясь от счастья. Всё кажется таким правильным, словно все звёзды сошлись в одной точке, чтобы я оказалась именно здесь. Именно сейчас.

Раскидываю руки в стороны, лёжа на воде. Лежу в жидком золоте сияющих солёных брызг. Смотрю на безмятежно голубое небо и загадываю своё желание: «Я хочу встретить свою любовь»...

Наплававшись вдоволь, я отправляю дурашливые селфи родителям и Лизке. Сижусь до захода солнца. Пока воздух не начинает постепенно остывать. Сама не знаю, зачем тяну время, но меня смущает происходящее в моей жизни в режиме реального времени. Меня смущает, что сейчас я должна вернуться в дом к хмурому, но красивому, неулыбчивому, но обаятельному незнакомцу, что он будет спать прямо за стеной.

Не просто в соседней комнате. Я успела изучить дом: наши кровати разделены одной лишь стенкой. Не очень толстой. А это... Да это же как спать в одной постели, но под разными одеялами! И от одной этой мысли жар приливает к моим щекам.

Но когда все немыслимые сроки уже выходят, я всё-таки набираюсь смелости и возвращаюсь в его дом у маяка. Отпираю дверь ключом. Внутри темно и тихо, и я дышу ровнее. Кажется, лёг уже спать!

Тихо разубаюсь, на цыпочках пробираюсь в выделенную комнату... и врезаюсь в каменную глыбу со всей дури.

— Ой! — вскрикиваю от неожиданности.

— Прости, Машенька, — мужские руки обхватывают мои плечи. Интуитивно понимаю, что он заглядывает в мои глаза, но сама при этом не вижу ничего. — Не хотел тебя напугать.

— Только прибить, — бубню себе под нос.

— Услышал шум и вышел глянуть, — оправдывается мужчина. — Кушать хочешь? Ужин, правда, давно остыл...

— Павел Александрович, — шепчу я, наконец начиная что-то различать в темноте, — пятьсот рублей.

— Что? — не понимает мужчина.

— Я плачу вам пятьсот рублей в сутки, — напоминаю ему. — Не припомню, чтобы вы предупреждали, что сюда входит питание.

— Входит, — усмехается он. Руки покидают мои плечи. — Спокойной ночи, Машенька.

— Спокойной ночи, Павел Александрович.

Он стоит напротив. Так близко, что, сделай я малюсенький шаг вперёд, снова врежусь в его тело. Горячее, практически обнажённое. Крепкое и мускулистое, с зубодробительным запахом лосьона после бритья.

— Павел Александрович? — чувствуя, как зашкаливает мой пульс, обрываю тишину между нами.

— Машенька..?

— Приятных вам снов, — еле слышно говорю ему, и он отступает, освобождая проход.

— И тебе приятных сновидений, Машенька.

С бешено колотящимся сердцем я залетаю в комнату и упираюсь спиной в прохладное дерево. Что со мной происходит? Почему в темноте всё кажется таким... невероятным? Почему в темноте кажется, что он... тоже чувствовал это притяжение?..

Слышу скрип паркета, тихий хлопок — он закрыл дверь своей спальни. Больше — ни единого звука во всём доме. Стоял в коридоре и... Почему? Зачем? Что делал? Я не имею ни малейшего представления!

С этими сумбурными мыслями, в растрёпанных чувствах я укладываюсь на постель и не сплю, кажется, до самой зари. Но когда глаза ненадолго слипаются, я неожиданно оказываюсь на краю обрыва.

Горячие мужские руки крепко обнимают меня со спины и тянут на себя. К крепкой мужской груди.

— Ты обещала не подходить так близко к обрыву, Машенька, — говорит мужчина голосом нового знакомого. — А обещания, данные суженному, нужно выполнять...

Просыпаюсь я рассеянной сверх меры. Даже забываю взять в душ свежую одежду. А когда натягиваю на голое тело майку и короткие шорты, боевой комплект подруги, который я решила использовать вместо пижамы, у меня из уха выпадает серёжка и отлетает под ванну.

Я опускаюсь на карачки, шарю рукой в поисках украшения, чуть пячусь назад. Ноги упираются в дверь, и она неожиданно распахивается.

— Кхм, — слышится за спиной. — Доброе утро, Машенька.

Глава 5

Надеясь, что мне послышалось, медленно поворачиваю голову на звук мужского голоса. Нет. Не послышалось. Павел Александрович стоит позади, подпирая угол стены своим могучим плечом, и без малейшего зазрения совести разглядывает мою... кхм... пятую точку.

Медленно переводит взгляд на моё пылающее лицо. В синих глазах штормит море. Тучи набежали, и нет ни единого просветления.

— Всё в порядке, Машенька? — чрезвычайно глухо спрашивает мужчина.

— Да, — шепчу так же приглушённо.

Он подходит ближе и наклоняется.

— Что потеряла?

— С чего это вы взяли, что я что-то потеряла?

— Ну ведь не гимнастикой занимаешься здесь, — ухмыляется он, но взгляд остаётся серьёзным и колючим.

— Серёжку уронила, — сетую я. — Не получается подлезть под ванну и посмотреть, экран мешает.

— Давай я попробую, — заявляет он и устраивает свои ладони поверх моих бёдер, потягивая на себя. Весьма недвусмысленным движением. — А ну-ка двигайся, Машенька.

Он буквально вытягивает меня из ванной в коридор и лишь потом догадывается поставить в вертикальное положение и развернуть к себе лицом, а не... тазовыми костями. Чувствую, как горят мои щёки, и пытаюсь спрятать взгляд.

Павел Александрович склоняет голову ниже, практически к моему лицу и шумно выдыхает горячий воздух прямо мне на грудь.

— Красивая какая у тебя... серёжка, Машенька! Сейчас отыщу в два счёта.

Он огибает меня, присаживается на корточки, лёгким движением руки снимает экран под ванной и через одно короткое мгновение показывает мне серёжку, зажатую между подушечками большого и указательного пальцев.

— Вот и нашлась твоя пропажа, Машенька, — усмехается мне, от чего около его глаз цвета бури скапливаются морщины.

Павел Александрович подходит ко мне и охватывает рукой затылок, ловко вдевает мне в ухо серьгу и щёлкает замочком.

— Спасибо, — шепчу пересохшими губами.

— Пожалуйста, — сухо говорит мужчина и отходит от меня. — Завтрак на столе, Машенька. Я заварил свежий чай.

— Пятьсот рублей, — напоминаю ему. — Это я должна готовить вам завтрак, Павел Александрович! Каждое утро!

— Каждое утро, — эхом отзывается он, — весьма заманчивая перспектива.

За завтраком нам никак не удаётся поймать атмосферу непринуждённости. Мы оба находимся в странном напряжённом состоянии, и от этого напряжения словно и сам воздух вокруг искрит и потрескивает. Всё это... очень необычно. Ещё никогда прежде я не чувствовала себя одновременно напуганной и спокойной, в безопасности и на иголках, комфортно и неудобно. Ни один человек в целом мире не вызывал в моей голове столь противоречивых мыслей.

Мне было приятно находиться рядом с ним и это же меня пугало до чёртиков.

Одно я знала точно — я могу не беспокоиться, вреда он мне не причинит. Только вот что делать с сердцем, сбегаящим в пятки, я не знала.

А потому торопливо допиваю горячий чай, пряча от мужчины свой взгляд, и устремляюсь к мойке.

— Я уеду в Симферополь, в клинику, где лежит моя мать, — сообщает Павел Александрович. — Надеюсь, ты хорошо проведёшь время и не найдёшь приключений на свою...

— Не найду, — перебиваю его. — Езжайте с миром, Павел Александрович.

В его глазах плещутся лучики сомнения, но он с грохотом встаёт из-за стола. Подходит ко мне сзади. Мне кажется, что слишком близко, хотя и не касается моего тела.

Я лишь чувствую его дыхание, заблудившееся в волосах, небрежно стянутых на макушке в неплотный узел, и сердце пускается галопом вскачь.

— Машенька, — тихо говорит он мне.

— Павел Александрович..?

— Береги себя, Машенька, не ввязывайся в неприятности.

В его голосе звучит улыбка, и я шмякаю пенную губку в раковину.

— Хорошего вам дня, Павел Александрович! — резко развернувшись на босых пятках, утыкаюсь в его грудь и поднимаю взгляд, утопая в бушующем синем море.

— Спасибо, — серьёзно отвечает мужчина. — И тебе хорошего дня.

Он не торопится уходить. Стоит и смотрит на меня своим пронзительным взглядом, серьёзным, даже сердитым. Словно я — провинившийся ребёнок, которого нужно поставить в угол. И что я ему сделала?

— Я пойду..? — скорее спрашиваю, чем предупреждаю, и он хмуро кивает, пропуская меня.

Когда я выхожу из спальни одетая для пляжа, его уже и след простыл. Это к лучшему. Не знаю, почему, но уверена: мне противопоказанно проводить много времени наедине с ним.

Солнце только-только начинает стремиться ввысь, но уже жарит. Я иду по направлению к центру, через стройные рыночные ряды с разноцветными надувными матрасами и кругами, купальниками, пляжными полотенцами и сумками, фруктовыми лавками, кафе...

— Девушка, не желаете записаться на экскурсию? — спрашивает приятная женщина, и я с любопытством скрываюсь в тени зонтика, рассматривая красочные буклеты.

С полчаса мы обговариваем различные варианты поездок, я выбираю два маршрута: автобусный тур на целый день в сафари-парк послезавтра и джиппинг с каякингом ещё через три дня. Нужно чередовать пляжный отдых с приключениями, тогда от отпуска останутся одни лишь самые лучшие воспоминания!

В бодром расположении духа я устраиваюсь в арендованном шезлонге под навесом, в сухой и душной тени, но хотя бы не под опаляющим солнцем, и читаю книгу в перерывах между купаниями.

Неожиданно мне в голову прилетает удар. От неожиданности я подсакиваю с места и потираю ушибленное место. Ко мне подбегает девушка.

— Ой, прости, пожалуйста! Мне очень-очень-очень жаль, я не специально!

В отдалении затихает компания ребят, примерно моих ровесников. Двое

парней подаются вперёд, разглядывая нас.

— Меня Розой зовут, — тараторит девушка. — Мы играем в пляжный волейбол, хочешь с нами? Ой, блин, что я несу?! Тебе сильно больно?

— В целом, терпимо, — смущённо улыбнулась ей. — Я — Маша. И с удовольствием присоединюсь к вам!

— Здорово!

Вместе мы подходим к ребятам, и новая знакомая представляет мне всех. Компания у них большая, человек пятнадцать. Парни и девушки. Там и брат Розы, Артур, и его приезжий друг Женя, местные и отдыхающие. Вскоре мне удаётся запомнить их имена и разобраться в тонкостях: кто местный, кто, как и я, приехал лишь в отпуск.

— Что делаешь вечером? — спрашивает Роза.

— Ужинаю, — ляпаю я и краснею.

К вечеру, я уверена, вернётся Павел Александрович, и очередной приём пиццы пройдёт как в тумане. Рядом с ним в моём животе летают бабочки, и я уверена, что это ненормально.

— Смешная ты, — смеётся Роза. — Я вечером не ужинаю, на диете сижу. А тебе это ни к чему, фигурка отпад!

— Спасибо, — теряю я нить разговора.

— Пойдёшь с нами в клуб? Ну, точнее, это, скорее, кафе, но со светомузыкой, там все танцуют по ночам.

— Вы все идёте?

— Да, мы каждый вечер ходим.

— Хорошо, скажи адрес, я приду.

Всё лучше, чем трястись под взглядом синих глаз!

Когда я возвращаюсь домой, Павла Александровича ещё нет. Я наскоро принимаю душ, выбираю из Лизкиного чемодана платье попримичней и делаю фото своего отражения в зеркале.

«Порадуйся, Лизон! Кто-то идёт на дискотеку!»

«О божечки!!! Будь осторожна, ладно? Никаких случайных связей и незащищённого полового акта!»

«Тьфу-ты, Лиз, какая мерзость! Я даже целоваться ни с кем не планирую, а ты говоришь о...сексе?!»

Следом летят возмущённые и смущённые смайлы, и Лизка вываливает в ответ тонну развратных гифок. Фу, какая же она у меня дурочка!

Я посмеиваюсь, нарезаю салат и обмениваясь с подружкой голосовыми сообщениями, потом набираю папе и подробно рассказываю ему о наших с Лизон приключениях и дальнейших планах, а сама поглядываю во двор.

Не хочу признаваться даже самой себе, что с нетерпением жду возвращения хозяина этого дома. Если бы он появился и запретил мне идти вечером в кафе, я бы, конечно, для виду повозмущалась. Но не пошла бы. Знаю, как это выглядит со стороны, прекрасно знаю! Но не так-то просто победить в себе маленькую девочку, которая всегда привыкла положиться на мнение взрослого и ответственного мужчины. На своего отца.

И я почти жалею, что Павла Александровича до сих пор нет. Нахожу листик с ручкой и пишу ему записку: «Ужин на плите. Салат в холодильнике. Приятного аппетита. Я ушла гулять с новыми друзьями в кафе «Причал». Меня не ждите, буду поздно. Ваша постоянщица Маша».

Миссия выполнена. Я поступила ответственно и по-взрослому, я считаю. А потому спокойно запираю дверь и выхожу в вечернюю прохладу.

В ярких светодиодных огнях кафе я не сразу нахожу компанию новых знакомых. В тесном тёмном помещении пахнет сыростью, громко грохочет басами музыка, по глазам бьют разноцветные точки лазерных вспышек. Я пробираюсь между столиков, пока не вижу Розу и её брата, и выдыхаю ровнее.

Очень плохая идея! Нужно было остаться дома, дожидаться Павла Александровича и...

Глупая я, глупая! И что?.. Вот что?.. Предложить прогуляться до маяка? Полюбоваться видом на море? Сходить на пляж? Словно ему это нужно!

Всё правильно. У него свои заботы, у меня — свои развлечения. Кроме того, что он несколько раз пришёл на выручку, между нами ничего нет и быть не может!

И неважно, что его глаза, ясные как небо или тёмные как море в шторм, не дают мне покоя. Неважно, что волнует его близость, а причёска вызывает желание зарыться пальцами в волосы... Неважно! Этого просто не может быть, правда? Ведь нельзя... испытывать что-то к абсолютному незнакомцу? Ведь так?

Устраиваюсь за столиком с ребятами и включаюсь в разговор. Точнее... пытаюсь всеми силами, но отчего-то все мои мысли устремляются в белый дом с синими ставнями.

— О-о-о-о! — тянет Роза мне на ухо. — Дамир с Рустамом приехали!

— Кто это? — спрашиваю на автомате.

— Это очень опасные парни, старайся держаться от них подальше!

— Хорошо, — киваю и прячу взгляд. — А кто они?

— Они из крымских татар, вечно ввязываются в неприятности, два брата-акробата.

— Акробаты?

— Не спортсмены, — смеётся Роза. — Они грабители. Ну, точнее, были раньше... А сейчас... Я не знаю.

— Я поняла, — тихо выдыхаю в ответ и чувствую на себе тяжёлый взгляд.

— Привет, красавица, — слышу над макушкой. — Познакомимся?

Глава 6

Роза затаивает дыхание, глядя на меня глазами, полными ужаса.

— Девушка не ищет знакомств, — неожиданно говорит Женя. — Топайте дальше, парни.

— И кто это у нас такой умный? — хмыкает один из незнакомцев.

— Ребят, и вправду, — подключается Артур, — мы сидим своей компанией, я уверен, здесь есть девушки, которые не прочь познакомиться. Просто не за этим столиком.

Эти двое, немного помедлив, всё-таки уходят, и вечер идёт своим чередом. Я пробую слабоалкогольный коктейль на основе пива с малиновым сиропом, которые нам с Розой покупает её брат. После нескольких щедрых глотков щеки вспыхивают румянцем, и я поддаюсь на уговоры Розы и иду танцевать.

В свете сияющих разноцветных огней мы кружимся вокруг друг друга, делая незамысловатые танцевальные движения. Мир вокруг качается и размывается, но мне очень весело.

Пока пробираюсь сквозь толпу, крепко держась за руку Розы, обратно к столу, вижу, как Женя уходит в направлении туалетов. За ним тенью шмыгает один из тех парней, но слава Богу мой новый знакомый быстро возвращается обратно.

Вечер идёт своим чередом. Между танцами и глотками коктейля я много смеюсь над рассказами Розы, а парни увлечённо беседуют о чём-то.

Я удаляюсь в туалет. Голову немного ведёт с непривычки, но я довольно твёрдо стою на ногах. На сегодня уже довольно и выпивки, и этой дискотеки, как мне кажется. Я твёрдо решаю, что мне пора домой.

— Ну, пожалуйста, — канючит захмелевшая Роза, — давай ещё полчаса, и мы тебя проводим.

— Да, — кивает Артур, — по коктейлю и идём.

Женя протягивает мой стакан, и я делаю несколько мелких глотков. Розка выпивает свой едва ли не залпом и тут же хватается за рот. Артур отводит сестру в туалет, а я отодвигаю бокал в сторону.

— Пойду на воздух, — заплетающимся языком предупреждаю Женю.

Иду по направлению к выходу, но неожиданно парень тянет меня в другую сторону.

— Пойдём, там потише, — говорит он, подводя к тёмному коридору.

Я оборачиваюсь на зал. Лица и огни — всё плывёт в моём сознании. Неожиданно мне кажется, что я натыкаюсь на серьёзный синий взгляд, но этого же просто не может быть. Я чувствую усталость и слабость и позволяю Жене вывести меня через заднюю дверь.

А там стоят ещё двое. Дамир и Рустам, кажется, Роза назвала их так. Они скалятся, глядя на Женю.

— Молоток, — говорит ему один, — не ссы, Розку не тронем. Давай девчонку.

Я не понимаю, что происходит. Знаю, что мне нужно сопротивляться, кричать, но обмякшее тело и непослушный язык никак не хотят мне помогать. Перед глазами мир плывёт, и я чувствую, что теряю сознание.

Яркая вспышка. Скорее ощущаю перемену настроения. Слышу отборные ругательства, шум драки.

Новая вспышка. Чувствую, как меня подхватывают на руки и несут куда-то. Страха нет. Даже отчаяния уже нет. Глухое безразличие, в котором я виновата сама. Нельзя быть такой беспечной, Машенька.

Даже мои мысли звучат голосом Павла Александровича. Громко и реалистично. И я прилагаю все усилия, чтобы открыть глаза.

И в новой вспышке сознания я вижу напряжённый профиль, сурово сдвинутые брови, руки, с силой стискивающие руль.

— Павел Александрович?.. — шепчу я. — А что..? А как..?

— Несносная девчонка! Тебя бы выпороть да в угол поставить! — говорит он устало. — Ты понимаешь, что приди я на пару минут позже, тебя бы просто... Да просто терзали бы всю ночь! Ты понимаешь, что могло произойти?

Я понимаю, да. Я знаю, что взрослые и ответственные девушки не должны так себя вести.

Я отстёгиваю ремень безопасности и доверительно наклоняюсь к мужчине.

— Спасибо, — голова упирается в крепкое, как скала, плечо. — Вы мой герой. Рыцарь. Такой красивый. Просто совершенный. В вас и влюбиться нестрашно...

— Глупышка, — глухо произносит мужчина в мою макушку.

Горячее дыхание опалает волосы и кожу головы. И мне бы отстраниться, потому что приличные девушки так себя вести не должны, но я лишь ближе придвигаюсь к нему. Чувствую мощный стук его сердца, частое дыхание, скольжу ладонью на живот, прижимаясь изо всех сил к его телу.

Он напряжён. Застывает каменным изваянием.

— Да гори оно всё огнём, — слетает с его губ, касаясь моих волос, и он тянет меня на себя, кутая в своих объятиях.

Он гладит мою спину, руки, колени, и я расслабленно прикрываю глаза. Я в безопасности.

Я раскрываю глаза. Яркий свет, что заливают спальню, режет глаза. Чувствую накатывающую тошноту, головная боль нестерпима настолько, что мне хочется расплакаться. Горло болит от сухости, и я чуть потягиваюсь, чтобы обнаружить ещё какие-нибудь проблемы.

На первый взгляд кажется, что я не чувствую своих ног. Божечки, я же не могла лишиться ног из-за нескольких коктейлей?

С губ срывается полувсхлип-полустон, и тяжесть с ног исчезает.

— Ну и перепугала ты меня, Машенька! — слышу за спиной.

Заглядываю под одеяло, но не обнаруживаю ничего противозаконного. Я в том же платье. Он — в спортивных брюках. С голым торсом. Взгляд упирается в жёсткую поросль тёмных волос, скрывающуюся под резинкой низкосидящих штанов, и невольно скользит ниже.

— Это просто утренняя физиология, — говорит мне Павел Александрович. — Не принимай на свой счёт.

— Ага, — согласно киваю ему, торопливо возвращая одеяло на место.

Мужчина внимательно смотрит на моё покрасневшее лицо.

— Как ты себя чувствуешь?

— Просто ужасно, — пищу в ответ. — А почему я в вашей кровати?

— Потому что тебе было плохо, и я побоялся оставлять тебя одну.

— Спасибо, — смущаюсь я ещё больше. — Вы...

— Я не прекрасный рыцарь, не твой герой, Маш, — перебивает он. — И тебе не стоит в меня влюбляться.

— Что?! — резко вскакиваю я.

Голова идёт кругом, и я вынуждена опереться на кровать. Ну, на тело рядом. И, конечно, этот неловкий жест приходится ровно на его... утреннюю физиологию. Мужчина издаёт какой-то рычащий звук, глухой, гортанный, и я медленно поднимаю на него взгляд, убирая руку.

— Простите меня, Павел Александрович, я случайно. Голова закружилась, вот и... Не специально метилась.

Он ничего не отвечает. Сверлит меня серьёзным взглядом. От синего в нём — только намёк. Тёмные тучи заполонили всю радужную оболочку глаз.

— Маша, Маша, Машенька..! — вздыхает он, поднимаясь с кровати. — Сегодня постельный режим! Никаких приключений. Сейчас принесу тебе лекарство.

Он скрывается за дверью, и я падаю на подушку, вспоминая вчерашний вечер. Пишу Лизке, что жива-здорова. Без лишних подробностей. А там уже входит Павел Александрович с высоким запотевшим бокалом.

— Пей, — кивает он, и я пью.

Не сразу обращаю внимание на вкус. А он... горький, явно алкогольный. Чувствую, что «лекарство» просится назад. Как по волшебству передо мной возникает тазик. И, пока я склоняюсь над ним, крупная ладонь гладит мои волосы, успокаивая.

— Вот так, Машенька! Нужно избавиться от этой гадости. Тебе сразу станет легче.

— Да, я выпила-то всего пару-тройку коктейлей из пива с сиропом! — выпаливаю сквозь слёзы. — Не может же быть мне так плохо от этого?

Мужчина стискивает челюсть:

— Уверен, тебе что-то подлили или подсыпали! Никогда не оставляй свой бокал без присмотра и никогда не позволяй никому покупать тебе выпивку.

— Хорошо, — киваю ему. — И лучше вообще не буду экспериментировать, абсолютно никчёмное дело.

— Вот и умница! Это правильный выбор, — мужчина гладит мою скулу. — Ты отдыхай, Машенька, а мне отъехать нужно... по делам...

— Хорошо, — не уверена, что мне удаётся скрыть разочарование.

Я кое-как выползаю из кровати под вечер. Павла Александровича до сих пор нет, и я думаю, где же он пропадает. Смешно, что меня заботит это. Смешно, что я вообще продолжаю об этом думать.

Я съедаю кусок хлеба и помидор, завариваю свежий чай, принимаю душ. Сажу в кухне до глубокой ночи, но так и не дожидаясь мужчину.

Когда глаза слипаются, я иду в свою комнатушку и падаю на кровать, ментально засыпая, а просыпаюсь от тяжести руки, сильно сдавившей талию.

— Павел Александрович! — пишу, отодвигаясь в сторону, и мужчина просыпается.

— Чёрт! — рычит он, выскакивая из моей кровати. — Прости, напугал тебя, да?

Я смотрю на ссадины на его руках и закусываю губу.

— Павел Александрович... — шепчу глухо. — Вы где были?

Мужчина хмурится, но не торопится отвечать. Лишь недовольно кривит лицо и глядит на меня пронзительно-синим взглядом.

— Я должен был... — отвечает неожиданно твёрдо, — разобраться. Не принимай на свой счёт.

Я откидываю в сторону одеяло, спускаю на пол ноги. Мужской взгляд скользит от кончиков пальцев до края моих шортиков и обратно. Павел Александрович стоит с непроницаемым выражением лица, лишь его кадык резко дёргается, когда он с шумом сглатывает.

Я подхожу к нему, поднимаюсь на цыпочках и целую его щёку, покрытую колючей щетиной.

— Даже если вы делали это не для меня, всё равно спасибо!

Он аккуратно снимает мою руку со своего плеча, а я вдруг цепляюсь взглядом за циферблат часов.

— Сколько сейчас времени?

Павел Александрович смотрит на свои часы.

— Так половина восьмого, Маш.

— Опоздала! — трясёт его руку. — Опоздала! На автобус экскурсионный опоздала!

— Да какая же это проблема, Машенька? — усмехается мужчина. — Догоним мы твой автобус!

Глава 7

Ну что тут можно сказать?

Автобус мы догоняем уже у самого сафари-парка. То ли дело в том, что я проковырялась слишком долго в ванной, то ли в том, что Павел Александрович заставил меня плотно позавтракать. А может и вовсе в том, что он подозрительно медленно ехал по трассе.

— Я слишком мало спал, Машенька, — возразил он на моё недовольство. — Концентрация внимания уже не та, сделай скидку на возраст.

При этом он сыпал рассказами о Крыме, притормаживал в интересных местах и травил анекдоты. А я смеялась и... тонула в его глазах.

Несмотря на извечную серьёзность, тучи рассеялись, и его взгляд снова приобрёл цвет небесной лазури. Несмотря на сведённые брови и пролегающую между ними глубокую морщину, несмотря на сжатые губы, я чувствую, что по непонятным причинам у него вполне хорошее настроение.

— Даже странно, что ты выбрала «Тайган», а не Кояшское озеро, — озираясь по сторонам, бросает Павел Александрович. — Весьма неожиданно...

— Просто последние дни я и сама вся такая неожиданная, — весело говорю ему. — Разве вы ещё не заметили?

— О, я заметил, — он окидывает меня странным взглядом. — Ну не будем терять времени, Машенька. Идём.

Павел Александрович сам покупает нам билеты, предлагает выбрать способ передвижения по территории парка, но я хочу прогуляться пешком, и он соглашается.

Мы стараемся держаться в тени. Солнце уже жарит вовсю, и я обмахиваюсь сложенной листовкой с картой парка «Тайган». Мужчина то и дело бросает на меня обеспокоенные взгляды. Сажает меня на лавочку под раскидистым деревом, а сам отходит ненадолго.

В его руках два мороженых и две бутылки воды. Он садится рядом, протягивая мне рожок с разноцветными посыпками, и я с благодарностью принимаю. Мы переговариваемся о каких-то глупостях и поедаем охлаждающую сладость.

— Купите молодой жене букетик, — возникает перед лавкой старенькая бабушка.

Я хочу возразить, что мы совсем не пара, но Павел Александрович поднимается с лавки и выбирает букет васильков, отвернувшись спиной, платит и возвращается на место.

— Держи, Машенька.

— Спасибо, но не стоило, — краснею я.

— Красивые девушки должны получать цветы, — просто отвечает он. — Ты готова идти дальше? Что там у нас по планам?

Я раскрываю карту и показываю ему.

— Мы примерно здесь, дальше по планам львы.

— Прекрасно. — Он встаёт и протягивает мне руку, помогая подняться.

Вереница посетителей тянется по мосткам, и мы вливаемся в неторопливый поток. Достигая наибольшего скопления людей, я протискиваюсь вперёд, пытаясь разглядеть величественных животных. Подхожу к самому ограничителю, который едва ли выше моей талии, опираюсь на парапет и наклоняюсь

ближе к краю

Там, прямо под нами лежат две львицы и вальяжно прогуливается лев. Я заморожено разглядываю царя зверей, его пушистую гриву, массивные лапы, мускулистую тушу. Машина для убийства. Воистину король!

В меня вжимается какой-то парень, споткнувшись о чью-то ногу, и в тот же момент поблизости вырастает Павел Александрович.

— Осторожнее, приятель! — он оттесняет от меня незнакомца. — Всё в порядке, Машенька?

— Да, всё супер, — отзываюсь я, замечая, как крепко он держит руку парня.

— Видишь, папаша, в порядке твоя дочурка, — огрызается малолетний нахал, скидывая руку мужчины.

— Она мне не дочь, — неожиданно резко рывкает Павел Александрович.

Он становится за моей спиной. Его руки ложатся защитным полукругом вокруг меня на парапет. От напряжения вены на крупных кистях вздуваются, а его тяжёлое дыхание на моей шее практически лишает меня чувств.

Больше меня не интересуют львы и эта экскурсия. Я вжимаюсь в коротенький заборчик моста, пытаюсь избавиться от внезапного наваждения.

Мужские руки ложатся мне на талию, удерживая на месте.

— Будь аккуратнее, Машенька. Всё становится слишком опасным, если попасть в лапы к раздражённому хищнику, — говорит мне в самое ухо, обжигая своим дыханием.

И почему мне чудится, что говорит он вовсе не о львах? Кажется, у меня кружится голова. Делаю крохотный шаг назад, натываясь на его тело, откидываю голову на его плечо, кладу руки поверх его, и будь что будет.

Несколько коротких мгновений я наслаждаюсь этим моментом, пока Павел Александрович не обрывает наш контакт.

— Поехали на пляж, Маш. Я боюсь, что ты сегодня перегрелась. Да и накормить тебя обедом просто необходимо.

В его глазах снова скопились тучи. От былой лёгкости и хорошего настроения не осталось и следа, и я мрачнею.

— Как скажете, Павел Александрович.

Я не спрашиваю, куда мы едем. Зачем? Если он решил вернуться домой, я ничего не могу изменить. Хоть мне и нравится гулять с ним, слушать его рассказы и шутки, знать, что с ним мне ничего в целом мире не сможет навредить, но напоминаю себе, что я не его забота.

Однако, Павел Александрович паркуется возле небольшого прибрежного ресторанчика.

— Пробовала когда-нибудь барабульку, Машенька? — спрашивает с лихим прищуром. Его глаза снова что два глубоководных горизонта. — Поверь мне на слово: здесь подают самую лучшую барабульку на всём полуострове!

В целом, к рыбе я равнодушна, но стоит только официанту поставить перед нами блюдо с сочащимися маслом, зажаристыми рыбёшками, как рот непроизвольно наполняется слюной, а живот начинает урчать, словно старый трактор.

Павел Александрович одобрительно смотрит на меня, и мы приступаем к очередной странной трапезе. Масло стекает по моим пальцам и подбородку, но мне всё равно.

— Такой вкусотищи я никогда не ела, Павел Александрович! — говорю с

набитым ртом, игнорируя правила этикета. — Спасибо, что привезли меня сюда!

— Рад, что тебе понравилось, Машенька, — улыбается он.

Он улыбается! Это просто невероятно! Какая же у него красивая улыбка!

— Вы должны улыбаться почаще, — вырывается у меня, и на его лицо снова возвращается хмурое выражение. — Ну что же вы, Павел Александрович? Нельзя же вечно быть таким серьёзным!

— Почему нельзя, Машенька? — удивляется он. — Мне давно не восемнадцать. Быть взрослым человеком это очень серьёзно. Во взрослой жизни зачастую нет места веселью.

— Я уверена, что даже в вашей взрослой и серьёзной жизни найдётся парочка минут для ма-а-а-алюсенькой улыбочки! — Для наглядности показываю пальцами размер этой воображаемой улыбки. — Вот мой папа тоже всегда такой серьёзный, но улыбаться он пока не научился!

— Видимо, твоему папе повезло с такой дочкой, поэтому он и не забыл, как улыбаться, — мягко замечает мужчина. — А моя дочь меня ненавидит.

Его... дочь? От неожиданности такого поворота событий я хватаю стакан со спрайтом и делаю несколько шумных глотков.

— Уверена, что вы ошибаетесь, — говорю я, когда напиток больше не лезет в горло. — Так не бывает, чтобы дети ненавидели своих родителей!

— Тебе просто повезло, Машенька, что ты ещё не видела настоящей жизни.

— Так говорите, словно у вас может быть ребёнок старше меня! — восклицаю недоверчиво.

— Нет, не старше. Ей всего восемь.

— Как её зовут?

— Полинка, — отвечает мужчина и вздыхает: — Малышка совсем, но строит из себя умудрённую жизнью и опытом девушку. Совсем как ты.

Я понимаю, что это подобие шутки, но мне совсем не смешно. Как-то грустно даже, если так посудить.

— Поэтому вы возитесь со мной? — спрашиваю с обидой.

Синий взгляд пробирается прямо в душу, пока его снова не заполоняют тучи.

— Я отдаю себе отчёт, что ты не мой ребёнок, — медленно проговаривает Павел Александрович. — Но ничего не могу с этим поделать, извини.

Его слова причиняют мне боль. В глазах предательски дрожат слёзы, и я вскакиваю из-за стола.

— Маш, ты куда? — кричит мне вслед, но я не останавливаюсь. — Чёрт! Маша!

У меня есть несколько минут, пока он не оплатит счёт, чтобы привести свои чувства в порядок. Но чем больше я стараюсь сделать это, тем сильнее текут по моему лицу упрямые слёзы.

Я не хочу думать, почему мне так больно и тоскливо. Не хочу думать, что я, наивная и юная, посмела влюбиться в такого взрослого мужчину, но что-то мне подсказывает, что так и есть.

Вижу сквозь стеклянную дверь знакомую фигуру и упрямо срываюсь с места. Не хочу, чтобы он увидел и догадался! А он ведь поймёт, сразу всё поймёт, я знаю. И поэтому бегу.

Решение приходит быстро, но времени искать кабинку для переодевания и

надевать купальник у меня нет. Уверена, что Павел Александрович уже идёт по горячим следам и совсем скоро настигнет беглянку. Ну, то есть, меня.

А потому бегу через весь пляж, подальше от основной массы людей, чтобы поскорее нырнуть в море. Тогда он решит, что глаза покраснели от воды. Глупо? Наивно? Тысячу раз да! Но мне просто необходимо, чтобы мы сделали вид, словно не было никаких слёз.

Я думаю, он не захочет обсуждать то, что произошло. Я — тем более. Поэтому мне надо лишь скрыть следы преступления и дождаться приезда Лизки.

Погружённая в свои тяжкие раздумья, я забегаю за выступающую скалу. А там... Небольшая кучка nudистов. Идеально!

На ходу стягиваю сарафан и бросаю рюкзачок. Не думая, не анализируя, поддавшись эмоциям и моменту, избавляюсь от трусиков и оборачиваюсь назад.

Павел Александрович возникает на моём персональном горизонте, и я бегу к краю пирса, ни на секунду не переставая думать.

Как же забавно судьба распоряжается нашими желаниями! Вроде и чётко сформулировано, и выверено до каждой буквы, и вот на тебе!

Когда тебе только исполнилось восемнадцать и сердце открыто для любви, когда ты вдыхаешь на полную грудь жаркий южный воздух и бежишь навстречу волнам, разве думаешь, что судьба уже уготовила тебе сюрприз?

Серьёзный такой, не улыбочивый. С ногами сорок пятого размера.

Ведёт себя ну прямо как мой папочка. Вот и сейчас: глаза кровью налились, ноздри раздуваются от тяжёлого дыхания и...

— Ма-а-а-ша! — раздаётся крик на весь пляж. — Где твой купальник?!

И в это же самое мгновение я достигаю края пирса и бомбочкой сигаю вниз.

Глава 8

Он зол. Очень-очень зол. По шкале от одного до десяти потянет на все пятьдесят, а то и сотню. По шкале отрицательных эмоций моего папы, у Павла Александровича их переизбыток.

Всё, что было до этого, детский лепет.

Сейчас у него действительно пар валит из ушей, а глаза — чернее ночи.

— Машенька, — нарочито спокойно зовёт меня, — выйди-ка из воды, солныце.

— Нет! — заявляю твёрдо и уверенно отплываю дальше от берега.

Ложусь на спину, позабывшись, но расслабиться мне не даёт ор:

— Ма-а-а-ша! Немедленно выйди из воды и прекрати этот цирк!

Бросаю взгляд на берег. К Павлу Александровичу подходит девушка, похожая на хиппи, нагая и прекрасная нудистка с идеально-ровным загаром, и что-то тихо говорит ему. Отсюда мне не слышно, что именно, зато я слышу, как клацает его челюсть, как он тяжело выдыхает и что он отвечает ей:

— Она мне не дочь! — Девушка пожимает плечами и отходит, а внимание мужчины снова обращается на меня. — Маш, не заставляй меня волочить тебя из воды силой, пожалуйста. Это ни к чему хорошему не приведёт.

— Павел Александрович, помилуйте, я просто перегрелась на солнце, и это не привело бы ни к чему хорошему, поэтому мне срочно пришлось принимать экстренные меры!

— Ну всё, солныце! Я считаю до трёх и плыву за тобой!

— Вы не посмеете!? — взвизгиваю я, наблюдая, как он медленно раздевается, начиная отсчёт.

— Три, Машенька, — на камни летит футболка, — два, — он быстро избавляется от туфель и носков, — один, — с лёгкостью откидывает в стороны брюки, оставаясь в одних плавках, — я иду за тобой.

Он бесцеремонно роется в моём рюкзаке и извлекает на свет полотенце.

— Выходи, Маш, — в последний раз предлагает он мне, но я качаю головой.

Я не верю, что он на самом деле кинется в воду. Ещё и полотенце... Зачем?! Но я ошибаюсь.

Мужчина уверенно совершает тот же путь до края пирса, что и я несколькими минутами ранее, и прыгает в воду, сжав полотенце в кулак.

Он уверенно держится на воде, быстро поглощая расстояние между нами. И я, с одной стороны, испытываю трепет и смущение от того, что я тут в воде абсолютно голенькая, а с другой стороны, во мне бунтует желание сорваться и погрести в противоположную сторону.

Павел Александрович словно читает мои мысли:

— Даже не думай! Я же догоню.

— И что же вы сделаете?

— Ох, Машенька, — он закатывает глаза, — отшлёпаю за непослушание. Ну так, профилактически.

— Вы не имеете права! Вы не мой отец!

— О-о-о, солныце, ты даже себе представить не можешь, как я радуюсь этому факту! Будь ты моей дочерью, сидела бы под замком до скончания веков за своё поведение.

Он доплывает до меня. Смотрит исключительно в моё лицо. Ни миллимет-

ра ниже. Я закусываю губу, когда он оборачивает моё тело полотенцем, аккуратно фиксируя на груди. Не считая этого маленького прикосновения, его руки не касаются меня. Но даже его достаточно, чтобы я судорожно выдохнула воздух прямо ему в лицо.

— Маша-Маша-Машенька... Что же ты делаешь, а? Без ножа режешь, солнце! Разве ж так можно? Ну я же мужик, Маш, понимаешь, мужик...

— А я женщина, — говорю, игнорируя грохот собственного сердца.

— Я заметил, — серьёзно отвечает он и, развернувшись, уплывает назад к берегу.

Я медленно гребу следом, пытаюсь не потерять полотенце. Почему-то мне становится неудобно за своё поведение. Что, если его задевает это куда больше, чем он позволяет мне увидеть? Что, если его... влечёт ко мне... как к женщине, но он держит себя в руках, потому что...? Потому что... что?

Он сидит на гальке рядом с нашими вещами, и я сажусь рядом. Медленно придвигаюсь, и он вздыхает.

— Павел Александрович?

— Да, Машенька.

— Вы сказали, что у вас есть дочь, — начинаю я, заранее понимая, как глупо это выглядит с его стороны. — А её мама?..

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— Мы не живём вместе уже некоторое время. Собственно, поэтому Полинка и держит обиду.

— Это как-то странно, — вздыхаю и кладу руку на камни. Рядом с его.

— В жизни очень много странного, не находишь?

— Наверно, — я пожимаю плечами, от чего мои пальцы, дрогнув, соприкасаются с его пальцами.

Кожа к коже. Буквально каким-то миллиметром, но я чувствую это и уверена, что он тоже чувствует. Ни один из нас не убирает своей руки.

Мы так и сидим. Рядом, но порознь. Лишь только кончики наших пальцев на остывающей гальке отчаянно нуждаются в этом маленьком контакте. Или я нуждаюсь. Или он. Но это вряд ли.

Так мне кажется, пока я всеми силами пытаюсь не дрогнуть и не разорвать эту связь. И когда мои силы уже совсем на исходе, я чувствую лёгкое поглаживание.

Не выдержав, бросаю взгляд на наши руки, убеждаюсь, что мне не кажется, и тут же поднимаю взгляд на мужчину. Он смотрит на меня не мигая, даже, кажется, не дышит. С каким-то жадным упоением считывает каждую мою эмоцию. Тёмный горящий взгляд осматривает моё лицо и останавливается на губах.

Павел Александрович накрывает ладонью мою руку, тянется ко мне всем телом, и я подаюсь вперёд. Сердце трепещет в груди, по коже проносится целый табун мурашек. Он смотрит прямо мне в глаза, очевидно, пытается уловить мой испуг, панику, но... Ничего этого нет.

Я хочу, чтобы мой первый осмысленный поцелуй произошёл именно так. Идеально. Романтично. С опытным мужчиной, который точно знает, что делать.

И вот он уже в каком-то сантиметре-другом от моего лица.

Мне кажется, что я пыхчу как паровоз. Мне не хватает кислорода. Я вся го-

рю.

По моим подсчётам это случится прямо сейчас. Я закрываю глаза и мысленно считаю: «три, два, один»... И в этот самый момент прекрасное мгновение на берегу моря и тихий всплеск волн разрывает звонок моего телефона!

— Ой, это, наверно, мой папа, — вырывается у меня, и Павел Александрович резко отстраняется, убирая свою руку.

— Думаю, тебе лучше ответить, — говорит он сухо и начинает одеваться.

В тяготящем молчании мы возвращаемся домой. Между нами больше нет ни лёгкости, ни спокойствия. Мужчина даже не смотрит в мою сторону, а я смущённо смотрю в окно всю дорогу.

Сначала мне хочется обсудить то, что произошло на пляже. Точнее то, что чуть было не произошло. Но где-то в глубине души я понимаю, что Павел Александрович предпочтёт просто замять эту тему.

Стоит нам только войти в дом, как он хмуро окидывает меня взглядом и говорит:

— Я уезжаю и надеюсь, что хотя бы один вечер ты сможешь обойтись без приключений.

— Не сомневайтесь, — с обидой выпаливаю ему, — я не планирую никуда идти.

— Чудненько.

— Просто великолепно!

Громко топая, скрываюсь в своей комнате, а когда снова выхожу, его уже и след простыл.

Я не сплю до глубокой ночи, но нет ни единого намёка, что мужчина планирует возвращаться. Возможно, он поехал к более подходящей женщине, раз та, что есть, то есть я, его не устраивает. Насупившись, я накрываюсь с головой одеялом и проваливаюсь в спасительный сон.

Утром моё настроение скатывается ещё ниже. Павел Александрович так и не приходил, и более того, он не появляется в течение всего дня. И только под вечер, когда я блуждаю по саду, срывая персики и складывая их в подол собственного — ну, Лизкиного — сарафана, он подкрадывается сзади.

— Чем занимаешься, Маша? — спрашивает, как ни в чём не бывало.

От неожиданности я, резко обернувшись в его сторону, отпускаю подол и персики рассыпаются по траве.

— Ой-ой-ой, Павел Александрович! Что же вы так пугаете? — сетую я и опускаюсь на корточки.

Он тоже присаживается. Монотонные движения отвлекают от разбежавшихся в разные стороны, совсем как маленькие таракашки, мыслей. Меня интересует всё! Где он пропал, почему ведёт себя так, словно его вообще ничего не беспокоит, а, главное, почему у него такой цветущий вид!

И выводы напрашиваются сами собой, когда я замечаю на его щеке след от губной помады.

Всеми силами держу маску безразличия, хотя на сердце неспокойно. От этих переживаний у меня даже живот крутить начинает! Это же просто какое-то... недоразумение! Да что со мной не так?!

Я тянусь рукой к персику, лежащему чуть в отдалении, в тот же момент, когда к нему тянется Павел Александрович. Наши пальцы соприкасаются, и меня словно током прошибает. Мужчина отдёргивает свою слишком поспеш-

но, при этом его взгляд, наполняющийся темнотой, слишком... пожирающий, что ли.

— Как ты, Маш? — тихо спрашивает он.

— Да уж, наверно, не так прекрасно провела эту ночь, в отличие от вас! — говорит мой глупый рот и растягивает губы в какую-то сумасшедшую улыбку.

Крепко удерживая подол, чтобы точно не уронить персики во второй раз, я поднимаюсь и ухожу в дом. Как же меня злит, просто до невозможности, что он так себя ведёт! Пропадал где-то всю ночь и весь день, а теперь!..

— Маш, — слышу из коридора, — не то, что бы это было твоим делом, но я заночевал в гостинице, чтобы с самого раннего утра отвезти свою мать в другую больницу на процедуры. В той, где она лежит, заболел физиотерапевт, а второй выходит на работу из отпуска только завтра.

Он не ждёт, что я отвечу, — будто мне есть, что сказать! — насвистывая себе под нос бодрый мотивчик, скрывается в ванной. А я... Слышу, как начинает шуметь вода из душа, слышу, как скрипят металлические кольца шторы по трубе, и не знаю, куда себя деть от смущения.

К моменту, когда он появляется свежий после душа и в домашней одежде, я успеваю нарезать салат, обжарить куриные грудки и сварить рис. И даже ставлю в духовку персиковый пирог к чаю.

Но сама ужинать не сажусь. Просто не могу. Уверена, у меня кусок в горло не полезет в присутствии мужчины.

Он благодарит меня за ужин, берёт кусок пирога и кружку чая и скрывается в своей комнате. Я уверена, что делает он это по одной простой причине — чтобы не смущать меня.

Теперь Павел Александрович выбирает другую линию поведения. Он попросту игнорирует меня. Весь вечер я как на иголках. Прислушиваюсь к каждому шороху, а когда в коридоре слышатся шаги, которые замирают рядом с моей дверью, на цыпочках подкрадываюсь ближе.

Не знаю, чего хочу больше: чтобы он открыл эту дверь или поскорее ушёл. Мне и страшно, и волнительно, и невозможно томительно это ожидание, но сама я не решусь дотронуться до этой ручки никогда в жизни.

Тишина невыносима. Моё сердце взмывает к самому горлу, и мне кажется, что его стук слышно на всю округу, до самого маяка!

И когда моё напряжение доходит до абсолютного максимума, когда я чувствую себя воздушным шариком перед самым взрывом, когда кажется, что от волнения меня распирает уже до предела, по ту сторону двери раздаётся глухой болезненный шёпот: «Чёрт! Чёрт! Чёрт! Старый дурак, ну куда тебя несёт?».

А потом шаги удаляются, тихо скрипит дверь, и дом замолкает.

Глава 9

Как же мне хочется взвыть от этого чувства! Я безнадежно влюблена. Уверена, то, что я испытываю к моему арендодателю, и есть эта дурацкая любовь!

Как умалишённая, я дёргаюсь от каждого звука, потому что мне больше невыносимо слушать тишину. Павел Александрович смотрит сквозь меня, говорит неохотно, отвечает скупно. А я, как последняя дуручка, едва ли не по пятам хожу в надежде получить крохотную крупицу его внимания.

А ещё Павел Александрович почти не покидает своей комнаты, и мне, кажется, пора подыскивать жильё. Ведь это же так очевидно! Делает он это с одной-единственной целью: избежать встречи со мной.

Наутро третьего после не случившегося поцелуя на пляже дня я выхожу из спальни как всегда без настроения и сталкиваюсь с мрачным хозяином этого дома.

— Я еду на базар, — говорит не глядя, — тебе что-то нужно?

— Купите, если попадётся, творог, хоть сырников напеку, а то у меня блины с овсянкой уже поперёк горла стоят.

— Тебе необязательно готовить.

— А вам необязательно давать советы там, где их не просят! — невежливо отвечаю ему и иду в ванную, вильнув бедром.

Слышу шипящий свист за спиной и самодовольно улыбаюсь.

Не хотите признавать, что вас ко мне влечёт, Павел Александрович?! Ну я вам устрою!

Набираю пенную ванну и лежу, пока кожа на ладошках и ступнях не сморщивается. Тяну время в ожидании возвращения мужчины домой.

Заслышав, как хлопнула входная дверь, я тороплюсь выскочить из своего укрытия.

Бесшумно выскользываю из ванной и шлёпаю босыми ногами по деревянному полу в сторону арендованной комнатухи. Мои подсчёты оказываются верны, и ровно через полторы минуты я сталкиваюсь с Павлом Александровичем в тесной темноте коридора.

— Ой, — закусываю губу, сдерживая ликующую улыбку.

И в этот миг происходит непредвиденное: полотенце падает к моим ногам.

— Ой, — пишу я, пытаюсь прикрыться ручонками.

— Маша-Маша-Маша, — качает головой мужчина, — разве тебя не учили, что плохо играть с серым волком?

— Н-нет, только про Машеньку и Медведя слышала, — запинаясь, бормочу я.

— Мораль та же, — усмехается он и опускается на корточки. — Плохих девочек наказывают, Машенька.

— И что же со мной сделает сердитый волк? — шумно выдыхаю, когда его огромная рука тянется вверх, ну... туда.

— На первый раз, Машенька, — его взгляд скользит снизу-вверх и натывается на мой, — так и быть, прощаю. Но в следующий раз, боюсь, мне придётся тебя... покусать!

Мысли в голове разбегаются, как муравьишки, которые строят дом, тьфу-ты, план. Я даже не сразу замечаю, что всё это время Павел Александрович

держит в протянутой руке моё полотенце.

Убираю руки от тела, желая как можно скорее прикрыться. Опрометчиво. Ведь слышу совсем рядом с кожей клацанье зубов.

— Ой-ой-ой, Павел Александрович, вы чего это? — торопливо выхватываю из его руки полотенце и прикрываю все причинные места.

— А это, Машенька, — он резко поднимается и нависает надо мной, — допрыгалась ты, голубушка. Доигралась. И сейчас я тебя накажу!

Я не жду, пока он поднимется, а со всех ног кидаюсь к своей двери. Но, как назло, ручку клинит, и мне не удаётся с ней совладать, а за спиной, совсем близко, слышатся тяжёлые шаги.

Я разворачиваюсь к нему лицом, вжимаясь всем телом, прикрытым одним лишь полотенцем, в прохладное дерево. Злосчастная ручка упирается мне в бедро. Павел Александрович замирает, словно хищник перед броском.

Его руки ложатся по обе стороны от моей головы, когда он нависает надо мной. Его лицо медленно приближается к моему. Его глаза темнеют от... желанья. Я понимаю это так же явно, как понимаю то, что я отчаянно хочу, чтобы он скорее меня поцеловал.

Мне всё равно, будет ли это одноразовой связью или же продлится всю мою жизнь, но прямо сейчас мне жизненно необходимо, чтобы он сорвал с моих губ поцелуй.

От наэлектризованного напряжения, что повисает между нами, я вытягиваюсь вверх, навстречу ему, закрываю глаза и всхлипываю от нетерпения. И в этот самый момент раздаётся страшный грохот: мужчина с силой ударяет по двери, от чего та трещит, замок, не выдержав напора, трескается, и ручка валится к моим ногам.

— Прячься, Машенька! — рычит он мне в лицо и пулей вылетает из дома.

Подальше от меня.

Весь день я сижу в ожидании его возвращения и пакую вещи. Понятное дело, что я не могу больше оставаться в этом доме. Нам просто невозможно теперь под одной крышей. Никак. никоим образом. Нет в этой вселенной даже крохотного шанса, чтобы мы могли снова очутиться так близко и мой хрупкий мир выдержал это столкновение. Если так случится снова, и я не почувствую вкуса его губ, то навсегда перестану верить в чудеса. А я не хочу разочаровываться!

Именно поэтому я собираю вещи в чемодан с явным намерением поскорее убраться из дома мужчины, который волнует меня больше, чем я способна вынести. Чем я способна принять. Чем способно выдержать моё сердце.

Вот только вся загвоздка в том, что я не знаю, как поступить с ключами от дома. Не опускать же их в почтовый ящик на калитке! А Павел Александрович снова пропадает весь день. И всю ночь...

Всю ночь, которую я просиживаю за кухонным столом, рядом с чемоданом, с лежащей передо мной связкой ключей. И лишь под утро понимаю, что ждать бессмысленно. Он не вернётся. По крайней мере, не сейчас.

На рассвете начинает моросить дождь. Сна нет ни в одном глазу, и я извлекаю из недр холодильника пакет с творогом и пеку сырники. Завтракаю, не чувствуя вкуса еды, и собираюсь на экскурсию.

С погодой мне не повезло. Поездка по степи в открытом джипе под моросящим дождём, срывающимся в ливень и снова затихающим, то ещё удоволь-

ствие. Сердце наполняется тревогой. Не знаю, почему именно это происходит, но мне не по себе. И это чувство лишь усиливается по мере отдаления от дома. Но... я сижу в компании таких же молодых людей в трясущемся на кочках внедорожнике, который везёт нас к началу водной трассы.

Перед спуском — извилистой тропой по скалам, по краю отвесных стен с пугающей высотой, инструктор рассказывает, как мы должны передвигаться и что ждёт впереди.

Меня пугает дорога вниз, к морю. От непрекращающегося дождя, повисшего в воздухе взвесью, массивы известняка потемнели и кажутся мне мрачными и тёмными.

Я семеню примерно в середине процессии, стараюсь наступать твёрдо, но подошвы кроссовок то и дело норовят соскользнуть с гладких мокрых камней. К концу пути ноги трясутся от перенапряжения и пережитого страха. А впереди — штормящее и волнующееся море.

Наша группа снова получает необходимые рекомендации, и инструктор разбивает нас на пары. И только когда мы спускаемся на воду, я понимаю, какую отчаянную глупость совершила. Удержаться в каяке даже на таких, пока не слишком высоких волнах достаточно сложно. А что же будет дальше? Что будет, если ветер усилится и море заштормит ещё сильнее?

Маршрут рассчитан на несколько часов и оканчивается купанием в Чаше Любви. По дороге инструктора, подобно опытным экскурсоводам, травили байки: стоит попросить у Чаши любовь, как она тут же исполнит твоё желание, а если ты войдёшь в её воды вместе с любимым, то он непременно ответит взаимностью, и вы будете связаны этой любовью навсегда.

Меня ставят в пару с одним инструктором. Со всей группы туристов я единственная, кто не ходил на каяках. Инструктор, молодой мужчина по имени Артём, ведущий, я сижу за его спиной, но он постоянно интересуется, нормально ли всё. Стоит отплыть дальше от берега, как волны сразу же чувствуются иначе: словно они стали мягче и меньше, и постепенно я успокаиваюсь.

Из-за отсутствия у меня опыта и сил, мы сильно отстаём от остальных. Впереди тоннель, и Артём говорит:

— Всего на маршруте три пещеры, самая последняя как раз ведёт к Чаше. В тоннеле будет темно, но ты быстро привыкнешь. Если запаникуешь, переставай грести и дыши поглубже.

— Спасибо, — бормочу я, поёжившись от озноба.

Вещи, промокшие насквозь, неприятно липнут к телу, и я жалею, что вообще вышла из дома. Для полного счастья мне не хватает только свалиться на руки Павлу Александровичу с воспалением лёгких!

Первый тоннель мы проходим достаточно быстро и некоторое время гребём по затихшему морю в усиленном режиме. Руки ломит, глаза обжигают слёзы усталости, но я стискиваю зубы и стараюсь изо всех сил.

Ко второму тоннелю мы догоняем остальную часть группы и становимся в хвост процессии. Один за другим, каяки исчезают в чёрной пасти скалы, и мы ныряем следом. А потом мне слышится: «Вот чёрт!», и мы, наткнувшись на предшествующую пару, резко разворачиваемся, ударяясь о камни.

Не пойми откуда взявшаяся волна сгребает каяки в одну кучу и болтает от одной до другой стенки каменного тоннеля.

Я бросаю вёсла и крепко вцепляюсь в ремни, боясь не удержаться и упасть

в чёрные воды. Но после очередного удара, наше судёнышко не выдерживает и заваливается набок, а я ухожу под воду, подхваченная течением и несомая образовавшейся волной прямо на каменистый выступ.

Хоть я и больно ударяюсь плечом, но мне удаётся ухватиться и даже забраться на него. А в бушующей воде творится нечто невообразимое. Почти вся наша группа терпит крушение. Кто-то кричит, кто-то в панике цепляется за стены. Одна девушка, что находится ближе всех, плывёт в мою сторону и пытается скинуть меня, чтобы самой занять относительно безопасное место, но к ней подплывает инструктор Артём и грубо оттаскивает.

Впрочем, он сохраняет хладнокровное спокойствие и быстро находит для неё другой выступ, помогая той забраться повыше от воды, а потом он подплывает ко мне.

— Ты в порядке?

— Уверена, что да, — хотя плечо и ноет после удара и зуб на зуб не приходится от холода, но я абстрагируюсь от происходящего, иначе просто скачусь до банальной истерики. А папа всегда учил меня быть сильной в нестандартных ситуациях.

— Молоток, — хвалит Артём. — Я уже связался с берегом, спасатели скоро будут здесь.

Минуты в этом тёмном, мрачном и сыром тоннеле кажутся мне вечностью. Когда я различаю приближение катера спасателей, то начинаю плакать.

Непослушными ногами ступаю на судно, кутаюсь в предложенный плед и жду, пока спасут остальных. Слава Богу, все живы! Никто не пострадал, и вскоре мы выдвигаемся к берегу.

А там, стоит лишь нам приблизиться, я вижу очертания знакомого автомобиля и мужчины, с беспокойством расхаживающего из стороны в сторону.

Завидев нас, Павел Александрович кидается к причалу и выискивает глазами меня. В его взгляде страх, неподдельный животный ужас, и стоит мне подойти ближе, как он сжимает меня в своих руках.

Он ничего не говорит. Только держит. Так крепко, словно боится, что если он отпустит, то я рассыплюсь пеплом на этом пронизывающем ветру.

— Вам требуется медицинская помощь? — участливо спрашивает спасатель, и я качаю головой.

Если произнесу хоть слово, то истерика накроет меня с головой, а я не хочу портить этот момент.

— Поехали домой, Машенька, — тихо говорит мужчина, и я киваю.

Он подхватывает меня на руки прямо так, укутанную в плед. Я только успеваю махнуть на прощание Артёму и торопливо прячу лицо, утыкаясь в горячую грудь, которая ходит ходуном из-за сильных и частых ударов сердца.

Дома, первым делом, мужчина набирает ванную.

— Тебе нужно отогреться, Маш, — говорит он, оставляя меня одну, и я забираюсь в горячую воду и даю волю слезам.

Плачу, завываю до хрипоты, проживая уже в полную меру то, что случилось, через свои воспоминания. Павел Александрович влетает в ванную, отбросив деликатность, кутает меня в свой огромный халат, несёт в спальню и устраивается рядом со мной.

Постепенно я затихаю. Смотрю в обеспокоенный взгляд мужчины и жмусь теснее. Его руки надёжно сковывают меня, ноги прижимаются к моим ногам

в жалкой попытке отогреть эти льдышки. Я всем телом прижимаюсь к нему, чувствуя жар, чувствуя, как в низ моего живота упирается... хм... его физиология.

Я не знаю, что он видит в моих глазах, но то, что я вижу в его — отчаянное, слепое, глухое желание, на разрыв, до боли. Желание отбросить сомнения и предубеждения и жить здесь и сейчас.

Мы никогда не знаем, что будет завтра. В какой-то момент у нас просто может не оказаться другого шанса.

Именно это я читаю в его взгляде наряду с решимостью.

И Павел Александрович целует меня.

Поначалу это просто мягкий поцелуй губ. Он зажимает зубами мою нижнюю губу, мягко прикусывая, заставляя открыться, впустить его, и я подчиняюсь.

Его вкус заполняет меня. Каждую клеточку. Каждый рецептор реагирует на него, отзываясь невообразимой тяжестью и одновременной лёгкостью.

Поцелуй углубляется. Становится более настойчивым, терпким, дерзким. Я задыхаюсь от нехватки кислорода, который мы жадно вдыхаем крошечными дозами, отрываясь друг от друга лишь на считанные миллиметры.

Павел Александрович стягивает свою футболку и снова набрасывается на мои губы. Я не замечаю, распахивается ли халат сам или это делает мужчина, я лишь чувствую жар его тела голой кожей, и мне становится горячо.

Его руки ложатся на мою поясницу, тянут ближе, заставляют прогнуться. Мы на черте безумия, откуда больше нет пути назад. Но я и не хочу.

А поэтому уверенно веду рукой по его телу, ныряя под резинку спортивных штанов.

Глава 10

Я не сразу понимаю, что он останавливается и обхватывает моё запястье пальцами, отрывая от своего тела.

— Нет, Маша, — бормочет он, осыпая моё лицо поцелуями. — Нам лучше притормозить.

— Пожалуйста, — с глухим отчаянием молю его, целуя губы. — Я не хочу притормаживать.

Павел Александрович смотрит мне в глаза, и я стараюсь показать ему то, что испытываю сейчас. Ни капли сомнения и страха. Я действительно хочу этого.

— Машенька, — выдыхает он мне в лицо. — Это неправильно. Твоими желаниями руководит сейчас адреналин. В минуты пережитых опасностей или после... Это естественное желание, природное, но это неправильно. Ты пожалеешь, Маш, а я не хочу портить твою жизнь.

— Зачем же вы меня целуете, Павел Александрович? — дрожащим от слёз голосом спрашиваю у него.

— Это тоже природа...

— Этим вы себя утешаете? — огрызаюсь я, отстраняясь от тела мужчины.

Сжав плотно губы в тонкую нить, запахиваю огромный халат и вскакиваю на ноги.

— Не пошли бы, Павел Александрович, лесом вместе со своей природой, физиологией и всеми прочими заморочками?!

Он молчит и внимательно смотрит на меня своим тёмным, пугающим, но таким притягательным взглядом.

— Наверно, ты права, — отвечает тихо, разбивая мне сердце. — Так действительно будет лучше для тебя.

На остаток дня и последующую ночь я запираюсь в своей комнатёнке, то и дело смахивая слёзы. Он заглядывает трижды, но не подходит ко мне, а я притворяюсь спящей.

Всё, что происходит между нами, кажется мне странным и непонятным. Злит до такой степени, что мне хочется кричать и бить посуду.

Чувство неуверенности и разочарования гложет меня на протяжении пары дней, в течение которых наши вселенные практически не пересекаются. И я остываю.

Прихожу в себя после происшествия и даже выбираюсь на пляж. Мне просто необходимо избавиться от чувства влюблённости к этому мужчине, понятно же, что чувства мои невзаимные, а страдать от неразделённой любви я не хочу. Как-то глупо, не находите?

Мне восемнадцать, и я на море. Разве я не смогу найти более достойную кандидатуру для легкомысленного курортного романа?

Разве не сумею встретить нормального парня, который не будет чураться меня и моих чувств? Да быть такого не может!

Я уверена, стоит лишь приглядеться повнимательней, как я его увижу.

Смотрю по сторонам в поисках объекта для знакомства, а натываюсь на внимательный взгляд синих глаз. Таких же невероятно-синих, как лазурная гладь моря сегодня, под яркими солнечными лучами и ясным, пронзительно-синим небом.

Хмыкаю и продолжаю поиски. На площадке для волейбола вижу Розу с братом, их компанию и Артёма. Того самого инструктора Артёма, который помог мне во время происшествия.

Подхватываю свои вещи и иду к ребятам. Пятой точкой ощущаю взгляд, вызывающий в моей душе шторм. Но ничего не изменится, я знаю. Не понимаю, зачем он продолжает наблюдать за мной, если ему всё равно.

— Привет! — говорю громко, подходя к компании.

Розка бросается ко мне:

— Машка! Прости, пожалуйста! Мы ничего не знали! Твой батя так Дамира с Рустамом поколотил, что весь посёлок на ушах. Ещё и Женька, придурок, под раздачу попал. Сразу видно, не местный. Ты простишь, ладно? Тем более, что папа твой вовремя за тобой приехал.

— Ничего не понимаю, — признаюсь ей. — Объясни нормально, только не тараторь, пожалуйста.

— Мой друг Женька, — вместо неё объясняет Артур, — воспылил чувствами к Розке. А когда Дамир и Рустам зажали его у сортира, пообещав, что заберут вас обоих развлекаться, он согласился подсыпать тебе в коктейль какую-то дрянь... Это я не знал, эх. Сам бы поколотил такого «друга». Но твой папаня — молоток. Чётко раскидал придурков. Говорят, у Дамира сломаны пальцы на правой руке и выбита челюсть...

От смущения я не знаю, куда бросить взгляд. Выискиваю в толпе Павла Александровича и обнаруживаю, что он стоит в стороне, в тени, не сводя с меня синего взгляда.

Вот, где он был, значит, в ту ночь! Он... побил моих обидчиков. Конечно, потому что ему всё равно! Резко отворачиваюсь от него, натыкаясь на интересующийся взгляд инструктора Артёма. Молодой мужчина, пусть и старше меня, но не такой сухарь как Павел Александрович. Это видно сразу. И я улыбаюсь ему.

— Как ты, Маша? — спрашивает он.

— Как огурчик, умудрилась не простыть и не впала в уныние.

— Молодец! — хвалит он, подходя ближе, — сыграешь с нами?

— С удовольствием! — киваю с готовностью и бросаю последний взгляд на удаляющуюся мужскую фигуру.

Всеми силами гоню от себя разочарование и навешиваю на лицо улыбку довольного жизнью и отпуском человека, вливаясь в игру.

Знойное солнце и горячий песок под ногами быстро выбивают из сил, и в скором времени я говорю ребятам:

— Ой, всё! Я пас! Мне требуется срочное погружение, желательно с разбега с пирса...

— Я с тобой, — кивает Розка. — Парни, давайте на перерыв!

Мы бежим вперёд, держась за руки, добегаем до самого края пирса и прыгаем, визжа и хохоча. Следом за нами в воду ныряет Артём, за ним брат Розы и другие ребята.

В это время мы уже доплываем до отмели и встаём на ноги. Артур, подплывая к нам, начинает подбрасывать сестру в воду, а Артём подплывает ко мне под водой.

— Прыгнешь с моих плеч? — спрашивает у меня, странно поглядывая.

— Наверно, откажусь, — краснею я улыбаясь. — Я вовсе не пушинка.

— Да ну, брось! — Артём обхватывает пальцами мои запястья и тянет к себе. — Даже если это правда, вода облегчает задачу.

Он подныривает под меня, и я устраиваюсь на его плечах. Артём поднимается и, вместо того, чтобы помочь мне забраться выше, встать ступнями, он удерживает меня на месте, устроив ладони на моих бёдрах. Ведёт медленно вверх, очерчивая мои плавки. Мне не по себе.

— Артём, — тихо торможу его, и он моментально останавливается.

— Готова? — как ни в чём не бывало спрашивает у меня.

— Да.

— Давай руки.

Я упираюсь в его ладони, становясь ступнями на покатые сильные плечи, и, отталкиваясь, прыгаю в воду. Артём кажется смущённым из-за произошедшего момента, но я, хоть мне это и не нравится, не подаю вида.

Инструктор — парень симпатичный. Сильный, ловкий, смелый, отважный. Просто он... не Павел Александрович. И, возможно, я просто должна дать ему шанс.

Когда мы устраиваемся на песке возле волейбольной площадки, я завожу с ним нехитрый разговор. Артём оказывается вполне классным парнем и интересным собеседником, и когда я признаюсь, что толком не умею подавать мяч в волейболе, он, посмеиваясь и беззлобно подтрунивая, предлагает научить. Я не отказываюсь.

Артём становится за моей спиной, обхватывая руками, направляя и объясняя, что и как правильно нужно делать. Именно в этот самый момент я ощущаю жжение по центру грудной клетки и начинаю учащённо дышать.

— Ой, Маш, кажется, это твой папа и он в бешенстве, — подлетает ко мне Розка, и я поворачиваю голову в указанном ею направлении.

Рассекая толпу, воздух, солнечный свет, всю эту вселенную, прямо на меня тараном мчится Павел Александрович. На его лице абсолютно нечитаемое выражение, глаза спрятаны за тёмными стёклами солнцезащитных очков.

Не говоря ни слова, мужчина подхватывает мои вещи и подходит ближе.

— Руки от неё убрал, — тихо и вкрадчиво говорит он Артёму, и тот подчиняется.

А потом этот немислимый мужчина забрасывает меня на плечо и уносит с пляжа. Я колочу кулачками его спину, но он не реагирует.

— Вы не имеете права! Отпустите! — дико верещу я до самого дома. — Я вам не ребёнок! Поставьте меня! Ну что же вы молчите, а?

Он не произносит ни звука, пока тащит меня на плече. Так легко, словно я и не вешу нисколечко.

— Вы слышите меня? — надрываю я связки. — Немедленно поставьте меня! Вы не имеете права!

Неожиданно мужчина действительно снова переворачивает меня, и я оказываюсь на земле. Голова кружится, и я подаюсь в сторону, но его руки бережно удерживают меня от падения.

— Никогда больше не смейте таскать меня как кулёк... с сахаром! Вот! Вы поняли?

Он усмехается и тянет меня к себе.

— Понял-понял.

— Вы не имеете права, ясно? — уже не так уверенно и громко продолжаю

вещать.

— Ага, — кивает он. — Абсолютно никакого.

— Павел Александрович? — тихо говорю ему в лицо.

— Да, Машенька?

«Поцелуйте меня», — хочу сказать я, но его губы оказываются проворней, и я с удовольствием попадаю в их плен.

Глава 11

Каким-то чудесным образом мы перемещаемся с улицы на закрытый двор, а потом и в дом. Я не замечаю, переставляю ли ноги сама или Павел Александрович просто переносит меня с места на место. Всё, что я успеваю замечать, — его настойчивые, но нежные поцелуи, его руки, оглаживающие мою спину, руки, волосы.

Под натиском его губ я забываю делать вдохи. Я тону в эмоциях и захлёбываюсь в чувствах. Я хочу, чтобы это продолжалось вечно.

Когда мужчина падает в кресло, я оказываюсь сидящей сверху. Его руки сжимают мою талию, продавливают в пояснице, заставляя прижиматься сильнее. Всё, что происходит сейчас между нами, кажется мне таким правильным, сказочно-прекрасным!..

— Маша-Маша-Машенька, — тихий шёпот скользит поцелуями по моей шее, ласкает ключицы, обводит гипотенузы треугольничков купальника, — Машенька... Милая... Хорошая...

Вызывает дрожь. Мурашки разбегаются по коже откуда-то изнутри. Из трепещущего роя внизу моего живота, из заходящегося в бешеном ритме сердца, из моей груди хриплыми стонами.

Грубая кожа ладоней мажет по бёдрам, устремляясь вверх, пальцы задевают резинку плавок и ныряют под них.

— Вся в песке, — улыбается Павел Александрович в мои губы.

— Я в душ, — пячусь задом с его колен. — Это быстро. Одна нога здесь, другая там. Или наоборот.

Он, посмеиваясь, удерживает мои пальцы, пока они не выскользывают и рука, повисшая в воздухе, не падает.

— Я быстро, — повторяю ему. — Жди меня здесь, ладно?

— Хорошо, — кивает он.

Скрываясь за дверью ванной комнаты, я слышу тихую мелодию звонка, но не предаю этому значения.

На сверхзвуковой скорости ополаскиваюсь от песка, наношу немного геля для душа на мочалку и быстро разношу по телу ароматную пенку, наспех вытираюсь, на мгновение зависаю перед первым действительно взрослым и очень сложным выбором — надеть бельё и халат или отправиться прямо в полотенце.

В итоге, стянув кончики в узел покрепче, смело выхожу в тёмный коридор и ныряю в большую комнату, где в кресле по плану меня должен дожидаться мужчина. Вот только его в кресле нет.

Я тихо иду по дому, пока не нахожу его в кухне. Павел Александрович стоит рядом с початой бутылкой чего-то горячительного, его руки до побеления сжимают край стола, а взгляд устремлён в сумерки за окном. И когда так сильно успело потемнеть?

Я подкрадываюсь сзади и прижимаюсь щекой к его левой лопатке, прислушиваясь к учащённому биению сердца.

— Я вернулась, — неуверенно говорю ему. — А ты не дождался.

— Маш, оденься.

Его ледяной тон вонзает в меня тысячи иголок, и я съёживаюсь, но не отступаю. Ни за что в жизни не сдвинусь с этого места, пока не получу объясне-

ний.

— Нет.

— Да, — отрезает он разворачиваясь.

Его лицо хмурое, брови сведены вместе, губы сжаты в тонкую нить.

— Что-то случилось? — испуганно спрашиваю у него, но он мотает головой.

— Нет, — и как-то обречённо продолжает: — Да. Ты больше не можешь оставаться жить в моём доме.

— Это как-то связано с... тем, что произошло? — догадываюсь я.

— Это связано с тем, что чуть было не произошло. Это ошибка, Маш. Мы не можем...

— Ошибка? — мой голос кажется мне визгливым и громким. — То, что вы целовали меня, ошибка? Или то, что вы хотели меня целовать? Или то, что вы были совсем не прочь продолжить..?

— Да, Маш, да, ты это хочешь услышать? Всё это... неправильно. О-шиб-ка! Понимаешь?

— Я люблю вас, Павел Александрович... — говорю тихо, чувствуя, как горячие дорожки слёз сбегают по щекам и встречаются на подбородке.

— Маш, не говори глупостей! — он закатывает глаза. — Какая любовь?! Ты меня абсолютно не знаешь, как и я тебя. То, что мужчина увлёкся молоденькой жиличкой, это нормальное явление. Но кроме физического влечения есть ещё очень много разных аспектов, в том числе, моральные принципы. И мои принципы не позволяют мне завести подобного рода интрижку!

— Где же были ваши принципы, когда вы едва ли не пытались меня сожрать?

— Оступился. Говорю же, просто ошибка, которая больше не повторится. Понимаешь, Маш? Просто нельзя больше допускать подобное, поэтому ты должна одеться, и я отвезу тебя в приличный гостевой дом.

— А что мне делать? Что мне делать с моими чувствами?! — кричу несдержанно, размазывая по лицу потоки слёз.

— Да нет никаких чувств, Маш. Ты всё придумала. Вообразила себе роман, которого нет и быть не может. — его голос звучит приглушённо, обессиленно. — Маш, тебе восемнадцать лет, мне — сорок три. Я гожусь тебе в отцы. У меня есть дочь, Маш, на десять лет тебя младше. И стоит мне лишь на мгновение представить, что такой же старик будет однажды её целовать, желать большего, отчаянно желать, Маш, как мне хочется хорошенько наподдать самому себе.

— Но вы же совсем не старый, — вяло возражаю я. — И потом, мне всё равно, сколько вам лет. Разве можно приказывать чувствам?

— Да услышь ты меня, Машенька! Ты всё придумала! Какие чувства тут могут быть? — Он показывает рукой на себя. — Не выдумывай. И не принимай на свой счёт. Ты — очень милая, умная девочка. Такая, что устоять практически невозможно. Но быть взрослым — это, в первую очередь, умение принимать решения и нести ответственность.

— А разве мнение других учитывать необязательно?

— Ты уедешь, и всё пройдёт. Забудешь, как только смоеся запах моря с твоих волос. Поэтому мне очень важно поступить правильно и не наломать дров.

— А если не пройдёт?

— Пройдёт, Машенька. Это не любовь. Это просто ерунда от скуки.

Я смотрю в его глаза, но вижу в них лишь отстранённую холодность и безразличие и понимаю, что это конец.

Конец всем моим наивным мечтам. Конец моей первой любви, которой даже не оставили шанса случиться.

Молча разворачиваюсь на босых пятках и иду в сторону комнатухи, в которой не проведу больше ни одной ночи.

Почему-то мне вспоминаются легенды о Чаше любви. И я решаюсь на отчаянную глупость.

Надеваю удобную одежду и обувь и открываю окно.

Ничего больше я так отчаянно не хочу, как встретить свою настоящую любовь.

Потому что та, что у меня уже есть, неправильная и невозможная.

Осторожно выбираюсь на улицу прямо в распахнутое окно, а потом бегу.

Мне всё равно, кто и что подумает. Я просто не хочу больше чувствовать всё это.

Ветер доносит до меня солёные брызги. Стоять здесь, на скалистом возвышении, мне боязно. Кажется, того и гляди, ноги соскользнут с сырой каменной поверхности, и я полечу вниз.

Сомнительно, что ржавый металлический трос — единственная преграда между мной и бурлящими от шторма водами Чёрного моря — удержит меня от падения. Если этому суждено будет случиться, волны поглотят меня в считанные секунды. Была и нет. Никто даже не заметит.

Какая же я глупая! Правильно он считает меня ребёнком! Понадеялась на что-то большее тогда, когда мужской интерес схлестнулся с нерастраченными отцовскими чувствами. Иначе почему он постоянно сравнивает меня со своей дочерью?

Смахиваю слёзы обиды, кусаю до боли губы, отчаянно желая хоть на мгновение унять эту сердечную боль, успокоить душевные терзания, перестать проигрывать в памяти самые позорные минуты своей юной жизни.

Минуты, когда я вдруг решила, что взрослый мужчина, ровесник моего отца, мужчина, который был рядом все эти десять дней и невольно заразил меня этой неизлечимой болезнью под названием первая любовь, мужчина, который смотрел на меня своим пронзительным взглядом так часто, что моё сердце подлетало к самому горлу, мог вспылать ко мне взаимной симпатией.

Ну, конечно, не мог! Куда смотрели мои глаза? Я для него всего лишь девчонка. Ре-бё-нок! И как же мне теперь преодолеть свой стыд и вернуться в тот дом? Как снова взглянуть в его глаза? У меня не осталось больше времени, мне нужно запаковать свои вещи в чемодан и сесть на автобус. Уехать подальше отсюда. Встретиться с Лизкой. Забыть.

Хочется, не хочется, а придётся вернуться. Деньги, документы, телефон... Всё осталось в его доме.

Так я пытаюсь убедить себя, что ничего страшного и непоправимого не произошло. Возможно, я смогу вернуться сейчас в тот дом, проскользнуть незамеченной в выделенную мне комнату, собрать вещи, уехать по возможности или найти другое жильё и прорыдать всю ночь в подушку.

Или, напротив, я могу невозмутимо улыбнуться и сказать ему, что ошиблась. Что мне очень жаль, что я столь опрометчиво призналась ему в пылкой

юношеской влюблённости, а потом ещё и пыталась его переспорить, что-то доказать.

Только вот в чём загвоздка — врать я не умею. А жаль мне лишь по одному поводу: Павел не ответил мне взаимностью.

Можно ли по-настоящему влюбиться за десять дней, когда тебе восемнадцать? Легко!

Но сомневаюсь, что многие наивные девушки моих лет выбирают самую неподходящую кандидатуру для лёгкого курортного романа.

И больше чем уверена, что не многие наивные девушки моих лет сбегают после провального признания поздним вечером к скалам. Туда, где бушует штормящее море.

И уж вовсе не многие размышляют о том, как стыдно им вернуться в дом, где неминуемо придётся столкнуться с объектом своей невзаимной первой любви.

Свет фар разрезает холодную взвесь. От этих брызг я уже насквозь промокла, но не могу найти в себе сил сдвинуться с места и просто вернуться назад.

Даже и не замечаю, что зуб на зуб не попадает, — настолько я замёрзла.

— Маш, — слышу за спиной его голос, — Машенька. Я сейчас подойду, ладно?

— Мне всё равно, — глухо отзываюсь в ответ.

— Ну что ты, Машенька? Мы оба знаем, что это не так.

— Павел, зачем... ты приехал?

— За тобой.

Мужчина подходит сзади и обхватывает мои плечи, притягивая мою спину к своей груди. С шумным вздохом целует макушку.

— За тобой приехал, Маш. Ты же знаешь, — его ладони растирают мои озябшие руки, пока мужчина подбирает слова. — Ты всё правильно подметила. Всё так. Хотел тебя целовать. Большого хотел. И из-за этого бесился.

— Зачем ты мне врёшь? — всхлипываю я жалобно.

— Машенька, я не обманываю. Хотел обмануть, но... Когда ты уедешь, я же всю жизнь буду жалеть, что не сказал правды.

— Какой... правды? — нерешительно переспрашиваю.

— Что сразу влюбился в тебя, — выпаливает он, разворачивая меня в своих руках.

Заглядывает мне в глаза, и я вижу, что он говорит правду.

— Ты понимаешь, почему я должен был попытаться остановить тебя? Понимаешь, Маш?

— Да, — на автомате выдаю ответ, и он усмехается.

— Ничего ты не понимаешь, солнце. Ты же девочка совсем, а я старше на целую жизнь и даже больше. Тебе кажется, что ты влюблена, но скоро ты уедешь, и очарование этого места рассеется. А вместе с ним и твои чувства ко мне. Курортный роман редко, когда имеет продолжение. В нашем случае — полный и абсолютный бесперспективняк.

Каждое его слово причиняет мне боль. Они звучат неправильно. Разве нет в этой вселенной хотя бы крохотного шанса, чтобы мы могли оставаться вместе?

— Подумай сама, Маш. Вряд ли твои родители обрадуются, если ты приведёшь на семейный ужин для знакомства с ними кого-то вроде меня. Будешь

ли ты сама готова к потокам ненависти и обвинений?

Да, папу удар хватит. Но разве мои родители не достаточно сильно любят меня, чтобы попытаться принять мой выбор?

— А моя дочь, Маш? Ты представляешь, что она почувствует, если я вдруг привезу её в дом, где будешь ты, моя любовь? Как я должен объяснить ей, что папа может любить другую девочку, и она не его дочь?

Разве родители не имеют права на счастье? Разве я возненавидела бы отца, если бы он не жил с моей мамой и однажды начал встречаться с кем-то другим? Пусть даже очень молодым?

— Не говоря уже о том, что осенью ты откроешь для себя весёлую студенческую жизнь. Тебе захочется ходить по клубам, встречаться с друзьями... А я... Маш, мне другое нужно, понимаешь? Я уже давным-давно всё это прошёл. Мне женщина нужна рядом. Уют. Тепло. И мне невыносима мысль, что однажды ты пожалеешь о том, что выбрала меня.

Разве можно пожалеть о том, что выбрал любовь? Разве можно сравнивать клубную жизнь с тихим семейным счастьем?

— Я не хочу портить тебе жизнь, Маш. Не хочу ставить перед выбором. Да и нет его, выбора. Нет абсолютно никакого смысла в заведомо провальных отношениях.

Я и понимаю, и не понимаю его. Вероятно, он назовёт это ребячеством, юношеским максимализмом или просто ерундой, но я искренне верю, что настоящая любовь стоит любых рисков. И я готова рискнуть и доказать ему это.

— Хорошо, — тихо говорю мужчине. — Пусть мы не можем быть вместе в нашей настоящей жизни, но сейчас, пока мы здесь, мы можем закрутить легкомысленный курортный роман?

— Маш...

— Пожалуйста, — молю в отчаянии. — Пожалуйста, Павел, не отказывай мне. Я обещаю, что когда я уеду, всё закончится. Но пока я здесь... Я хочу быть только с тобой, чего бы это не значило. Во всех смыслах. Пожалуйста.

Привстаю на цыпочках и нахожу его губы, целуя, греясь от его дыхания, пока он не вздыхает. Тяжело и поражённо.

— Это очень плохая идея, ты же понимаешь, Маш?

— Именно поэтому она и пришла мне в голову, — хихикаю я, прижимаясь к нему изо всех сил.

— И как я сразу не догадался?! — сварливо поддевает он.

Отрывает меня от земли и несёт в сторону машины. Держит меня так крепко, словно опасается, что стоит ему разжать руки, как наше время моментально истечёт.

Глава 12

Бесконечно целуясь и посмеиваясь, мы кочуем из сада в дом, из коридора — в кухню, из кухни — в коридор. Павел Александрович крепко сжимает мою руку и тянет в сторону лестницы. И я не оказываю сопротивления.

Мы поднимаемся на второй этаж, и он распахивает одну из дверей. В полной темноте моему взору предстаёт огромное окно на покатой крыше. Прямо над кроватью. А в нём — проглядывающее между сгустков набежавших туч звёздное небо.

Я не смею пошевелиться. Вид завораживает. А жар от тела за моей спиной успокаивает и будоражит одновременно.

— Разреши мне тебя поцеловать, — просит хриплым шёпотом, и я поворачиваюсь к нему лицом.

Мужские руки тянут меня ближе, губы касаются губ. Я чувствую лёгкость на душе и напряжённую тяжесть в животе. словно там скопился целый рой бабочек, которые отчаянно ищут выхода.

Я запускаю пальцы в густые тёмные волосы, глажу жёсткую щетину на лице, пока наши губы пляшут в безумном ритме страстного танца, а его руки очерчивают ладонями мою ладную фигурку, обводя особенно тщательно все округлости и выпуклости.

Павел с осторожностью укладывает меня на спину и нависает сверху. Моё сердце подлетает к самому горлу, когда мужчина углубляет поцелуй. От этого напористого движения я начинаю беспокойно ёрзать под ним, и он постепенно замедляется, а потом и вовсе останавливается, обрушиваясь на кровать рядом.

Павел Александрович переплетает наши пальцы, поднося мою руку к губам. Покрывает поцелуями запястье, и я тихо вздыхаю.

— Ты... не хочешь двигаться дальше? — тихо спрашиваю.

— Не говори глупости, Маш. Отчаянно хочу, до боли, до остановки сердца...

— И почему же тогда останавливаешься? — с долей обиды спрашиваю у него.

— Потому что, помимо своих желаний, я должен думать о тебе, и это в первую очередь.

— Но я ведь тоже хочу!.. — возражаю ему.

Мужчина протяжно вздыхает, теснее прижимает меня к себе и улыбается одними губами. Его взгляд темнее ночи остаётся чересчур серьёзным.

— Я не могу, просто не могу... Маш, зная, что никакого продолжения не будет, я просто не могу, понимаешь? Я не хочу, чтобы однажды ты подумала, каким я был козлом, что воспользовался тобой...

— Я не подумаю. Никогда не посмела бы..!

— Когда загар сойдёт с твоей кожи, ты даже вспоминать обо мне не станешь, — мужчина щёлкает меня по носу. — Твой первый раз должен быть с кем-то действительно особенным. В ком ты будешь уверена на все сто. Кто ни за что не откажется от тебя, кто не будет убеждён, что у вас нет будущего. Не я, Машенька. Это просто не я. Я и права не имею быть здесь, наслаждаться твоим обществом, воровать твои поцелуи. Да только видеть тебя в компании другого мужчины я просто не могу!

— Это прямо двойные стандарты! — вырывается у меня.

— Мужчины эгоистичны по своей натуре, девочка. Вопрос лишь в том, насколько крепкой выдержкой обладает конкретный мужчина. Ты должна понимать, что любой другой на моём месте не преминул бы воспользоваться этой возможностью, воспользоваться тобой, Маш. Но я, зная, что это не навсегда и мне нечего тебе больше предложить, права такого не имею.

Я смотрю на звёзды, которые дрожат в тёмном южном небе из-за моих непролитых слёз. Вдруг одна, срываясь с места, падает, и я вздрагиваю.

— Загадай желание, — шепчет мужчина. — Оно обязательно сбудется.

И я загадываю. То, чего хочу больше всего на свете. То, чего не могу получить без помощи потусторонних сил.

Устраиваюсь удобнее рядом с мужчиной, и он накрывает нас обоих одеялом, утыкаясь колючим подбородком в мою макушку.

— Спокойной ночи, любовь моя, — шепчет еле слышно, и я мгновенно проваливаюсь в сон.

Стрессы сего дня окончательно одолевают меня, и мне просто требуется небольшая передышка, чтобы с новыми силами попытаться найти компромисс между его совестью и своими чувствами.

Под утро меня будит кошмар. Снится какая-то галиматья, которую я даже не запоминаю, но я вскакиваю на постели и озираюсь по сторонам.

Я проснулась одна. Не знаю, куда и когда делся Павел, но я испуганно сбегая по лестнице вниз и, обнаружив мужчину на кухне у плиты, тут же бросаюсь к нему и обнимаю со спины.

Боюсь, что кошмар воплотится в жизни, что мне снова придётся мириться с его угрызаниями совести или что там его мучает, но он хрипло смеётся, поворачивается ко мне, целуя макушку.

Синие глаза смотрят лукаво. Мужчина медленно склоняется к моему лицу и захватывает мои губы в сладкий, искушающий плен, и я, мгновенно расслабляясь, целую его в ответ, запуская пальцы в волосы.

Грубые ладони смыкаются на талии, отрывают от пола, усаживают на стол. Мужчина устраивается между моих разведённых коленей, а рука на поясице заставляет выгнуться ему навстречу.

Я счастлива! Я влюблена! Всё, чего я хочу, чтобы никогда не заканчивалось это идеальное утро!

Отбросив все сомнения, я скольжу руками по мужской груди, по рельефному, твёрдому животу, по дорожке жёсткой поросли волос, сбегаящей вниз.

Посмеиваясь мужчина перехватывает мои руки, заводя их мне за спину и фиксируя твёрдой хваткой, но не обрывает поцелуя. Кажется, что он пытается испытать меня до самого дна, осушить. И мне жаль, что всё равно это заканчивается.

— Давай к столу, Машенька. У нас большие планы на сегодня, и если мы планируем всё успеть, то...

— Какие планы? — крикну я, когда он снимает меня со стола и усаживает на стул рядом. — Я хочу провести с тобой весь день... Желательно, дома.

— Ну уж нет! Долой хандру! Что я тебе покажу, Маш! Закачаешься!

— И что же это?

— Увидишь! Нам надо только заехать на рынок...

— Мы будем купаться? Или только гулять? — нетерпеливо подпрыгиваю я на месте. — Ну что это? Что? Мне нужно знать, что надевать..!

— Купальник обязательно, — подмигивает Павел. — Мы же на море, и купание входит в неперемное условие любого досуга!

После скорого завтрака, я быстро принимаю душ, под горящим взглядом темнеющих глаз шмыгаю в одном полотенце в свою комнатушку и даже не удосуживаюсь прикрыть дверь за своей спиной, когда отбрасываю этот кусок нравственности в сторону, начиная подыскивать наряд.

С порога комнаты доносится протяжный вздох, и я медленно поворачиваюсь на этот звук. Не сводя с меня пылающих безумством глаз, в дверях стоит Павел. Его взгляд жадно блуждает по моему телу, а я и не думаю прикрываться. Фигурка у меня ладная, вполне подтянутая, ничего лишнего нигде не свисает, и, вообще, всё как надо. А раз так, то чтобы и не показаться во всей красе любимому мужчине, правильно?

Он не отводит взгляда, делая частые и резкие вдохи и выдохи. Я вижу, как поднимается и опадает его грудная клетка, как он тяжело сглатывает и... быстро отворачивается.

— Маш, я не железный.

— Я помню, серый волк, — смеюсь я. — Всё жду и жду, когда ты меня покусаешь.

— Дразнись, дразнись, девочка, — с усмешкой говорит мне. — Дождёшься, что у меня инфаркт от тебя случится...

Я фыркаю:

— Да ну! Ты совсем не старый!

— Старый, Маш. Для тебя — даже слишком старый.

— Но выглядишь ты вполне даже бодрчком, — парирую я. — Моложе своих лет минимум на десять лет.

— И даже тогда я был бы слишком стар для тебя, Машенька.

— Ну кто сказал, что так уж важно встречаться со своими ровесниками?

— Маш, через семь лет ты только окончишь аспирантуру и захочешь родить ребёнка, а мне будет уже пятьдесят.

— В пятьдесят мужчины ещё в самом соку, — торопливо заверяю его.

Мои ладони потеют, а сердце гулко стучит за рёбрами. Я поверить не могу, что он сказал это! Его слова звучат как самое правдивое доказательство того, что он рассматривает вероятность будущего, в котором мы можем быть вместе.

Кажется, он и сам понимает, что дал мне надежду, потому что тут же торопится её отнять:

— Хорошо, что тебе не придётся проверять это на практике, Маш, — тихо говорит мне. — Наш курортный роман закончится куда быстрее.

Тоска наполняет моё сердце, и я разом теряю всё прекрасное настроение. Натягиваю купальник, а поверх него — сарафан, подхожу к Павлу.

— Я готова. Давай, старый мужчина, не подкачай. Я надеюсь на самый безобразно-романтичный день из положенных мне по негласным условиям всех курортных романов!

Он осматривает меня с головы до ног и хищно улыбается:

— Это запросто, Машенька!

Мы выезжаем в сторону центра и делаем несколько остановок: у супермаркета, у рынка и у хлебной лавки. Возле последней Павел предлагает мне купить в дорогу мороженое, пока он ожидает свежую выпечку, и я бегу через до-

рогу к фургончику с ледяным лакомством.

Весёлый паренёк не стесняясь флиртует со мной, а я отшучиваюсь, когда вдруг за спиной раздаётся визг и в меня врежется тайфун...

— Масынь! Я так скучала!

— Ли-и-и-изка?! — протягиваю удивлённо и ощущаю удушающие объятия подруги. — Ты чего не позвонила?

— Я звонила, Масынька, и папа твой обзвонился... Что с твоим телефоном, растяпа?

— Чёрт! Это плохо... Очень плохо!

Я извлекаю телефон и вижу пустующий значок: сим-карта не обнаружена. Видимо, сбились настройки! Поправляю симку и перегружаю систему, и тут же на меня обрушивается шквал гневных сообщений от отца, слезливых — от Лизки, оповещения о входящих вызовах, пока я была вне зоны действия сети, и новый звонок, конечно от папы!

— Да, папочка? — робко отвечаю ему и несколько минут закатываю глаза на его пламенную речь. — Ну ты же не выехал ещё?

— Мария! — грозно кричит в трубку отец, но тут же остывает. — Не выехал, но это не значит...

— Пап, со мной всё хорошо, — заверяю его. — Мы с Лизкой сейчас купим по мороженке и пойдём загорать. У меня затупил телефон, да, я не досмотрела, но в остальном — я полностью контролирую ситуацию.

— Смотри у меня! И чтобы без задержек звонков больше, ты меня поняла?

— Да, папочка! Я побежала. Люблю! Целую!

Я снова забрасываю в сумку телефон и уже обстоятельно осматриваю подругу. Улыбаюсь, пока не вижу подходящих к нам Глебушку и Леонида.

— Да ты, вероятно, шутишь? — шиплю Лизке.

Глеб бесцеремонно обнимает меня приветствуя, Лёнька машет рукой, и в этот самый момент из пекарни выходит Павел Александрович. Он устраивается на капоте, не сводя с меня синего взгляда, и я краснею.

Весь его вид словно кричит: «Ну что, Машенька, вот и столкнулись наши реальности. Твоя весёлая подростковая жизнь и моя, умудрённая опытом.» Да фигушки, Павел Александрович! Сейчас я только Лизку с её компанией сплавлю подальше от себя и вся ваша!

— Лиз, — жарко шепчу ей в ухо, чтобы парни не слышали, — тут такое дело, вы, в общем, найдите себе жильё сами и ступайте на пляж, ладно? А мне бежать надо, Лиз. Свидание у меня.

— Да, ла-а-а-адно?! — кричит она на всю улочку, и я краснею до кончиков ушей.

— Лизка! Я позвоню. Вечером или завтра, ладно? Если что...

— Прикрою перед папой, — усмехается она. — Иди уже.

— Люблю тебя, Лиз!

Я дожидаюсь, пока они не скроются в переулке, ведущем к морю, забираю у обалдевшего мороженщика подтаявшее лакомство и снова перебегаю через дорогу, прямо к центру моей новой вселенной.

Туда, где бьётся моё сердце, туда, куда ведут все ниточки. К хмурому мужчине, годящемуся мне в отцы.

Хочу стереть эту хмурость с его лица и повисаю на его шее, целую губы. Поначалу он слишком напряжён, но вот, руки обхватывают мою талию и отры-

вают от земли.

Я счастлива, я парю среди солнечного света, я окутана теплом и нежностью, я влюблена!..

Следующие несколько дней я ловко скрываюсь от московских друзей, пересекаясь с ними всего на пару часов. Я не хочу терять ни секундоочки своего курортного романа, и хотя Лизка подозревает, что дело мутное, она идёт у меня на поводу и не настаивает на частых встречах или же посиделках по вечерам.

А я... Я слишком поглощена нашим романом. Нашими пикниками на берегу моря. Нашими удивительными поездками по всему Крыму. Нашими поцелуями и объятиями. Нашими тихими ночами под огромным окном, открывающим вид на звёздное небо. Нашими завтраками, обедами и ужинами.

И лишь одно меня удручает: времени остаётся всё меньше, а мы до сих пор не продвигаемся дальше поцелуев. Которые, к тому же, становятся вполне невинными с наступлением темноты. Словно Павел Александрович сам себя опасается, вот и сдерживает меня и себя заодно.

И на какие ухищрения я бы не шла, как бы его не упрашивала, он никак не хочет мне уступить. Но и я не планирую так просто сдаваться!

Глава 13

Капля стала плакать, что рассталась с морем,
море засмеялось над наивным горем.
Омар Хайям

Обжигающий южный ветер разносит по степи солнечный зной. Я подбегаю к самому краю обрыва. Подо мной отвесная скала высотой в сорок метров, невероятная лазурь чистейших вод, настолько прозрачная, что я вижу с этой высоты медуз. Их бесчисленное множество. Словно я смотрю в усыпанное звёздами ночное небо, по недоразумению, оставшемуся безукоризненно голубым.

Я раскидываю в стороны руки и широко улыбаюсь этому мгновению. Хочу, чтобы время остановилось. Замерло.

Совсем как моё сердце сейчас: когда широкая грубая ладонь ложится поперёк живота, тянет меня дальше от края — ближе к себе, а жёсткие обветренные губы нежно касаются виска.

— Машенька, ты же обещала не подходить так близко к краю, — хриплым голосом журит меня мужчина.

— Здесь слишком красиво, Павел! — восторженно говорю ему. — Так красиво, что я переполняюсь эндорфинами до самых краёв!

Чувствую его усмешку. Ладонь немного смещается, кончики пальцев задевают полоску загорелой кожи на моём животе, и меня прошибает как от удара тока.

— А это дофамин, — жаркий шёпот опалает моё ухо. — Гормон удовольствия.

Мужчина берёт меня за руку и ведёт в сторону узкой витиеватой тропки, ведущей вниз, к пещере.

Он уверенно ступает по скользким камням, твёрдо держа меня. Не даёт оступить, упасть.

— Это самый сложный участок, — поясняет Павел. — Дальше будет проще. До самой пещеры вдоль обрыва натянута защитный трос.

— А что потом?

— Пройдём через пещеру к Чаше Любви. Ты же хотела её посмотреть?

— Да, но... Это не опасно?

— Я бы не стал рисковать тобой. В сухую погоду здесь абсолютно безопасно. Главное, держись покрепче за меня.

И я держусь. Через несколько метров тропинка действительно уже не имеет такого сильного наклона, а вдоль края обрыва тянется ржавый металлический канат, и мне становится чуть легче.

А ещё через несколько метров зияет чернотой огромная расщелина в горной породе, именуемая в этих местах пещерой.

— Готова? — Павел бросает на меня быстрый взгляд и ободряюще улыбается. — Не дрейфь. Это приключение ты не забудешь никогда!

Он добродушно смеётся, но его взгляд остаётся слишком серьёзным. Когда он так на меня смотрит — практически каждый раз, — ответы на какие вопросы пытается отыскать? Какие сверхзадачи решает? Какие выводы делает?

И я бы вполне решила, что он хоть на секунду да задумывается о неболь-

шой возможности, о малюсеньком шансе, что мы — он и я — смогли бы сосуществовать и в другой плоскости наших жизней, если бы не запретила себе мечтать.

Невозможно получить всё и сразу. Не тогда, когда тебе восемнадцать и между вами неизбежная пропасть в целое поколение. Не тогда, когда он — ровесник твоего отца, а его собственный ребёнок младше тебя на десять лет. Не тогда, когда ты впервые отчаянно влюблена, а он вдруг решает быть ответственным.

Да это же просто... Самый нелепый курортный роман за всю историю!

Я смело иду за мужчиной в тёмную сырую пещеру. Он подсвечивает путь фонарём, крепко сжимая мою руку.

— Иногда мне кажется, что я не смогу тебя отпустить, — неожиданно шорох наших шагов разрывается глухим шёпотом. — Знаю, что это нечестно и неправильно... Помню все аргументы. Ведь все до единого привёл я сам.

Кусаю внутреннюю сторону щеки, чтобы остановить горячие потоки слёз, что струятся из глаз. Делаю глубокий вдох и безразлично произношу:

— Это всего лишь необременительный курортный роман.

Павел тормозит и поворачивается. Он не светит мне в лицо. И я благодарна ему за это.

Мужчина тянет меня в свои объятия, упирается колючим подбородком в макушку и выдыхает:

— Этим ты утешаешь себя? Мне вот что-то совсем не помогает.

— Мне тоже, — от привкуса соли на губах нежный поцелуй напоминает солёную карамель.

Вроде и сладко, но на любителя.

— Будь храброй, солнце!

— И смелой, — эхом отзываюсь я, вытирая слёзы.

— Курортный роман должен оставить в памяти приятный отпечаток, но притягательность должна рассеяться, как запах моря начнёт вымываться с твоих волос.

Павел с усмешкой щёлкает меня по носу, следом — целует то же место, снова сжимает мою руку.

— Идём, не будем терять время.

Мы не говорим об этом вслух, но прекрасно осознаём, что наше время на исходе. Всё, что у нас есть, — засушливые августовские дни, прерываемые гулом морских ветров ночи, вполне невинные объятия и наполненные нежностью поцелуи.

Мужчина не позволяет зайти дальше, как бы мне этого ни хотелось. Он может найти тысячу и одну причину для отказа, желая мне самого лучшего.

А главное, желая мне весёлой жизни молодой студентки, счастливых отношений с ровесником, которые не будут омрачены моим поспешно принятым решением.

Чтобы я, по его словам, скорее вернулась в колею после отпуска. Чтобы я никогда не пожалела о своём выборе.

Когда я жалею лишь об одном — он упрямо игнорирует моё желание сохранить его в своей памяти навсегда.

Я и так никогда не смогу забыть эту поездку, ведь она исполнила в каком-то исковерканном и переиначенном смысле моё желание. Я нашла свою

любовь.

Кто-то скажет — некрасивую, неправильную. Но для меня — самую лучшую и настоящую.

— Разве мы придём этой дорогой к Чаше любви? — задаю я мучающий меня вопрос.

— Непременно, — в ответе мужчины я чувствую улыбку.

— Но я ведь прекрасно помню, что спуск был совсем с другой стороны. Я же пыталась попасть туда, ну тогда, помнишь?

— Ага, — отзывается он. — Прекрасно помню, как ты, моё отважное солнце, сбежала вечером к скалам... До сих оторопь берёт.

— Ну я же извинилась, — улыбаюсь я и напоминаю: — И пообещала, что больше так не буду.

— Ты готова, Машенька? — спрашивает Павел.

«К чему?» — хочу спросить я, но не успеваю задать вопрос. Тоннель в очередной раз резко виляет в сторону, а мне в глаза бьёт яркий солнечный свет. От неожиданности я крепко вцепляюсь в руку мужчины, а он, посмеиваясь и притягивая меня к себе, выводит меня из темноты.

Мы оказываемся прямо на краю Чаши, совершенно с противоположной от других туристов стороне.

— Обратно вернёмся как все, — тихо говорит Павел, притягивая меня к своей груди. — Но я хотел привести тебя именно в это место.

Я внимательно осматриваюсь и понимаю почему: края природного бассейна напоминают по форме сердце, и мы сейчас стоим в самой его вершине, там, где две половины сходятся в общей точке, соединяясь в одну идеальную фигуру.

— Это ты, — шепчу сквозь слёзы, — это должен быть ты... — Я упираюсь лбом в центр его груди, где яростно отбивает свой ритм его сердце, и плачу, продолжая умолять: — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Я хочу, чтобы это был ты. Я не хочу разделять этот момент с кем-то, кто не будет тобой...

А он успокаивает меня. Гладит мои руки, спину, волосы. И молчит.

Маленький росток веры проклёвывается в моей душе, и я успокаиваюсь. Позволяю себе расслабиться и не думать, что у нас осталось так мало времени.

Мы проводим время вместе практически до самого заката. Плаваем, ныряем, кормим друг друга виноградом, наслаждаясь теплом и близостью друг друга.

Павел с лёгкой улыбкой слушает мою беспечную болтовню про Лизку и грядущую учёбу, о моих планах и дальше подрабатывать частными занятиями. Смотрит на меня дольше обычного, во взгляде — пугающая меня тоска и дикий голод.

— Я на последний заплыв, — отстраняется от меня мужчина и в один короткий прыжок уходит под воду.

Отплывает так далеко от меня, что я чувствую, как рвётся тонкая связь, возникшая было между нами. Хочется плакать, кричать, биться в истерике. Ну почему, почему он такой упрямый? Разве возраст и всё перечисленное им — это настоящая проблема?

Проблема, на мой взгляд, в том, что мы отказываемся от отношений, даже не попробовав их на вкус. Я верю, что мы справимся, если очень-очень захотим.

Встаю с покрывала, потягиваясь, как сонная кошка, и тут же ныряю в воду, перехватывая синий взгляд. Подплываю к нему, цепляясь за крепкую мужскую шею, и заглядываю в его глаза.

В этих темнеющих омутах целая буря эмоций. Вечный шторм. Желание, граничащее с угрызениями совести. Тщательно подавляемая страсть.

— Пожалуйста, Паш, — шепчу в его губы, — стань моим первым...

— Я не могу, Маш. Не должен. Права такого не имею.

— Если бы я не была невинной, ты бы переспал со мной?

— Неверная постановка вопроса, Маш, — цокает Павел Александрович.

— Что же может быть проще, Павел? — взрываюсь я. — Что мне нужно сделать, чтобы получить одну дурацкую ночь безо всяких предрассудков? Переспать с кем-нибудь? Да запросто!

Я отталкиваюсь от его груди и на всей возможной скорости плыву назад к своим вещам. А он не торопится догонять.

Быть может, проблема кроется в этом?

Не хочу ломать голову, просто хочу убраться подальше от него!

Наплевав на зазевавшихся туристов, скидываю верх от купальника и надеваю сарафан, избавляясь от плавок.

— Маш, ты куда? — кричит мужчина, когда я карабкаюсь вверх по тропе.

— Подальше от вашей совести, Павел Александрович!

Глава 14

Я не успеваю уйти далеко. Несмотря на свой почтенный возраст, которым ловко оперирует Павел Александрович, он догоняет меня даже не запыхавшись.

— И чего ты удумала, солнце? Далеко собралась?

— Я уже ответила! — кричу я. — Если это такая проблема, то мне проще избавиться от неё, чем терпеть всё это!

— Никуда ты не пойдёшь!

— И что же вы сделаете? — с обидой спрашиваю у него.

— Маш... это такая глупость, честное слово... — Павел хватает мою руку и тянет на себя. — Разве тебе недостаточно того, что есть? Маш, разве этого мало?

— Мало, Паш... — я срываюсь на слёзы. — Мне мало...

Он мрачнеет, но я упрямо задираю нос.

— Я отдам её первому встречному, честно. Мне всё равно. Это просто кусок плоти и крови, тонкая плёнка. Она не имеет для меня никакого значения.

— Ты совсем ещё ребёнок, Машенька. Ничего не смыслишь в этой жизни.

— Пусть так, но я могу сама решать, что мне делать, а чего — нет.

Мужчина сжимает челюсть. Не нравится? Что ж, мне тоже много что не нравится, но я же должна смириться!

— Что же ты делаешь, Маш? — резко выдыхает он. — Без ножа меня режешь на мелкие кусочки без единого шанса когда-либо снова стать целым!

Мои глупые губы расплзаются в довольной улыбке:

— Это значит «да»?

— Это значит, что мы зайдём чуть дальше, солнце, — он целует кончик моего носа. — Не обязательно идти до конца, чтобы переполниться дофамином и получить желаемое. Но если ты передумаешь...

— Я не передумаю, — твёрдо заявляю ему. — И я действительно хочу дойти до конца.

Он ничего не отвечает, лишь кутает меня в свои объятия, целуя макушку.

Между нами воцаряется уютная тишина. Мы так и стоим где-то посреди степи, возле машины, пока на землю окончательно не опускаются сумерки.

Павел не отпускает моей руки, ловко справляясь с ухабами и поворотами одной левой. В сгущающейся южной темноте уже появляются первые звёзды, а на берегу, у самой кромки чернеющего глубинными водами моря, то и дело вспыхивают костры.

Около одного из них сидит расположилась компания. В открытое окно до нас доносятся звуки гитары, несколько человек танцуют и смеются.

— Заедем ненадолго? — спрашивает вдруг Павел. — Я их знаю.

Я киваю, не отводя взгляда от пляшущих языков пламени, и Павел аккуратно съезжает с грунтовой дороги на траву, замедляя ход.

Мужчина выходит сам, а после — помогает выбраться мне. Я чуточку смущена. Ещё ни разу мы не приходили куда-то в компанию в качестве пары. Даже интересно, как он меня представит?

Но он не разочаровывает меня: уверенно берёт за руку, притягивая ближе к себе, и подводит к своим знакомым. При ближайшем рассмотрении оказывается, что здесь собрались люди совершенно разных возрастов. Есть и совсем

молодые — мои ровесники, чуточку старше, и ровесники Павла, и даже совсем седовласая пара.

Со многими Павел здоровается за руку, перебрасывается короткими фразами, вроде «как дела?», «хорошее выдалось лето, жаль, что такое короткое»... И люди отвечают ему тем же. Меня же он представляет просто: «Это Маша, моя подруга».

На мой скромный взгляд, подруга — это лучше, чем ничего. Пожилая дама смотрит с любопытством, целуя Павла в обе щёки. Её он называет тётъ Галей, и я думаю, что, вероятно, это какая-то подруга его матери. Даже интересно, как и что он будет объяснять потом, когда всё закончится?

Мы усаживаемся на край расстеленного на песке пледа. Точнее, не совсем так — на край пледа усаживается Павел и тянет меня к себе. Я сворачиваюсь калачиком у него на руках, устраиваю голову удобнее на плече и слушаю разговоры кругом. Иногда Павел вставляет какие-то фразы, и его голос звучит для меня вибрациями его грудной клетки.

Когда один из мужчин берёт в руки гитару и заводит первую песню, Павел Александрович зовёт меня потанцевать, и я не отказываю.

Мы медленно покачиваемся под звуки музыки, лёгкий ветер доносит до нас шум прибоя, и, кажется, что мы одни в целом мире, закрытые коконом своих чувств от всех проблем.

— Не отпускай, — шепчу, проглатывая горький ком сожалений. — Я не смогу без тебя.

Поднимаю взгляд, утопая в штормящих глубинах его темнеющих глаз. Встаю на цыпочки, забрасывая руки на его шею, касаясь пальцами колючей щетины, и прижимаюсь к его губам.

Без единого сомнения руки Павла скользят по моему сарафану, отыскивая небольшие ассиметричные разрезы на ткани, подушечки пальцев касаются моей голой кожи, и мужчина углубляет поцелуй, продолжая кружить меня в танце.

Натанцевавшись вдоволь, мы снова устраиваемся на пледе. Нам протягивают миску с печёным картофелем и жареным на костре хлебом, и я с удовольствием угощаюсь этим нехитрым блюдом. Павел смотрит на меня с лёгкой улыбкой, словно пытается сохранить в памяти этот вечер.

— Мечтать не вредно, — говорит кто-то совсем рядом, и Павел тоже вклинивается в беседу:

— Если бы ещё мечты сбывались во взрослой жизни.

— А ты считаешь, что они не сбываются? — интересуюсь у мужчины.

— Как правило, самые желанные мечты так и остаются красивыми мечтами о невозможном, разбиваясь об очевидные обстоятельства, Маш.

— Я уверена в обратном.

— Это от недостатка у тебя жизненного опыта, но ты скоро убедишься в этом сама.

— Я лучше буду продолжать верить, позитивный настрой и целеустремлённость ускоряют воплощение желаний.

— Молодец, — хвалит меня мужчина посмеиваясь. — Ты запачкалась, давай вытру.

Проводит пальцами по моим губам, и его дыхание сбивается, а я вдруг отчётливо понимаю, что хочу и через год, и через пять, и всю свою жизнь вот

так сидеть рядом с ним. И плевать мне на все обстоятельства!

Пожилой мужчина, супруг тёти Гали, берёт в руки гитару и заводит красивую песню, которую я раньше никогда не слышала. У него сильный, чуть хриловатый голос, совсем молодой, в отличие от его внешности. И я заслушиваюсь, придвигаясь ближе к Павлу.

Дым костров в облаках затеряется где-то,
Тихо осень всплакнет, по былому скорбя.
Люди жгут на кострах уходящее лето,
И частичку души, и немного себя.

Дым костров в облаках затеряется где-то,
Тихо осень всплакнет, по былому скорбя.
Люди жгут на кострах уходящее лето,
И частичку души, и немного себя.

Нынче осень так ярко, так броско одета,
Как принцесса из робких мальчишеских снов.
Люди жгут на кострах уходящее лето,
Так в душе ты сжигаешь былую любовь.

(примечание автора — Владимир Захаров «Костры»)

— Что это за песня? — всхлипывая от внезапно нахлынувшей тоски, спрашиваю тихим шёпотом у Павла.

— Не знаю, Маш, — так же тихо отзывается он. — Здесь её называют просто — **Песнь уходящего лета**. Она частенько звучит на закрытии сезона, когда приходит время прощаться.

— Не хочу, чтобы лето заканчивалось...

— Я тоже не хочу, Маш, но, к сожалению, всему, даже самому прекрасному в нашей жизни, рано или поздно наступает конец.

Он смотрит мне в глаза, разделяя со мной горечь предстоящей через пару дней разлуки. Вот же упрямый! Если бы он только рискнул попробовать, нам обоим не пришлось бы страдать.

— Поехали домой, Машенька, — склоняясь к моему лицу, выдыхает Павел Александрович. — Не могу больше. Сдаюсь.

Я с готовностью киваю, берусь за протянутую руку, поднимаясь с земли, и чуть ли не вприпрыжку поспеваю за его нетерпеливым темпом.

Он начинает целовать меня ещё во дворе. Стоит нам только покинуть салон автомобиля, как мужчина подхватывает меня на руки и, целуя жадно и ненасытно, заносит в дом. Так просто, словно я нисколечко не вешу, взбегает по лестнице на второй этаж и опускает на кровать.

Теряясь на краткий миг, всё же тянет подол сарафана вверх, но спрашивает:

— Ты точно уверена, Маш?

— Да, — облизываю пересохшие губы. — Уверена. Я готова. До самого конца.

В его глазах плещутся нежность и страсть. Невероятный коктейль. С этого момента и на всю мою жизнь мой любимый.

— Нам будет хорошо, Маш, — говорит мне хрипло, — но я не стану забирать

твой подарок.

Лишая меня возможности ответить или начать умолять, он помогает мне снять сарафан и раздевается сам. Я с любопытством осматриваю каждый сантиметр его тела, пока он с восхищением любуется мной.

А потом он нависает сверху, подминая под себя моё тело, и начинает наш полёт.

Хруст простыни под спиной, лёгкие поцелуи по всему телу, аккуратные прикосновения грубых пальцев, томные вздохи, тихие стоны... Это мог бы быть мой идеальный первый раз. С мужчиной, которому я хочу подарить свою невинность.

Но дальше откровенных ласк дело не заходит, как бы я не просила о большем.

— Я не хочу, чтобы ты пожалела, — шепчет он, покрывая поцелуями мою шею. — Пусть будет так.

Пусть будет так! Это и проклятие, и пожелание. Скоро я уеду, и всё превратится в прекрасные воспоминания.

Пусть будет так! Руки, блуждающие по телу. Ненасытные поцелуи. Страсть, обжигающая жарче южного солнца.

Пусть будет так! Стоны, заблудившиеся в его поцелуях. Точечные прикосновения к разгорячённой плоти. Горячая твёрдость у белёсых бёдер. Пальцы, сжимающие чувствительную кожу. Губы, смыкающиеся вокруг чувствительной кожи. Возносящие на самую вершину блаженства. Дарующие чудеса...

Искры из глаз. Мурашки по коже... О Боже! О Боже! О Боже!

Пусть будет так! Потерявшись во времени и пространстве, я представляю, что это не конец. А самое начало.

Словно совсем скоро мы не расстанемся навсегда. Словно всё только начинается.

Пусть будет так! Только, пожалуйста, никогда не заканчивается!

Если бы у нас было чуть больше времени, я бы не согласилась на выдвинутые условия. Но сегодня... Пусть будет так!

До самого последнего вздоха страсти, до сведённых кончиков пальцев, до пронзительной глубины поцелуев... Пусть будет так!..

Ранним утром я просыпаюсь, скованная крепкими мужскими руками. Только рассвело, а мне так не хочется прощаться с этим удивительным и прекрасным моментом нашей близости.

Я жадно изучаю черты лица мужчины, что спит безмятежным сном рядом со мной. Я уверена, что ничего не окончится между нами. Даже учитывая, что скоро я уеду.

Стук в дверь прерывает мои думы. И он же обрывает наше случайное счастье.

Мой отец врывается в комнату. Смотрит в неверии на развернувшуюся картину.

Я умоляюще смотрю на папу, но ему всё равно.

— Маша, оденься, — бросает холодно, и мужчина за моей спиной приходит в движение. — Живо!

Рука на моей талии на мгновение напрягается. Но Павел тут же берёт себя в руки.

— Ступай в душ, Машенька, — говорит мне. — Ничего не бойся.

Он протягивает мне плед, чтобы я прикрылась, и я застенчиво принимаю его. Выскальзываю из кровати. Подхватываю свои вещи. Скрываюсь за дверью ванной комнаты.

— У тебя большие проблемы, мужик, — говорит папа Павлу. — На хрена ты мне девочку попортил?

— Так получилось, Лёш, — отвечает тот, скорее успокаивая, чем оправдываясь.

— Твою мать, Паша! Я же просил просто за ней приглядеть! Просто приглядеть, — сокрушается отец. — Ну ты же женат... — в голосе папы слышится вся вселенская скорбь, и я разрушаюсь без единого шанса снова стать цельной.

Глава 15

Прямо в том же пледе, позабыв о своих вещах, я вылетаю из ванной, но меня перехватывает отец. Не даёт возможности и шагу ступить ближе к Павлу, который торопливо натягивает вчерашние брюки прямо на обнажённое тело.

— Это правда? — выкрикиваю я, отбрыкиваясь от папы руками и ногами, но стальные оковы его рук зажимают меня, словно тисками. — Ты... присматривал за мной? Потому что отец попросил?

На данный момент это всё, что меня интересует. Если Павел знает моего папу, изначально знал, кто я такая, специально втёрся в доверие, опекал, как дитя малое... Да это же просто нелепо! Разве стал бы он ввязываться в отношения со мной?

— Да уж, попросил на свою голову. Ещё приятель называется, — отвечает вместо него папа. — Мы же росли вместе, Пащ, а ты дочку мою в постель затащил! Как тебе спалось-то рядом с ней, спокойно? Совесть не мучила?

— Мучила, Лёх, — тихо признаёт Павел, — каждый божий день грызла изнутри. Но иногда не остаётся ни единого шанса устоять, ты должен меня понять.

— Должен?! — взвизгивается отец. — Как здравомыслящий человек может понять и принять такое? Когда твой друг тебе такую подлость устраивает, разве можно принять? Она тебе что, потаскуха какая-то, что ты из неё любовницу женатого папика сделать удумал? Это ты мне предлагаешь понять?

— Давай только не надо всех этих словечек, ладно? — тихо отвечает Павел, бросая на меня взгляд. — Не смей так даже думать в её сторону.

— Ты меня ещё поучи, как мне с дочерью себя вести! Ладно на меня ты наплевал, но как ты мог с женой так поступить? О своей дочери ты подумал? Каково ей было бы узнать, что папа изменяет маме со вчерашней школьницей?

Павел молчит. Моё сердце просто разрывается от боли. Вот я и столкнулась разом со всеми обстоятельствами, которые мужчина подразумевал с самого начала!

— Это правда? — решаюсь я задать новый вопрос. — Ты женат?

— Конечно, правда! — снова отвечает вместо него отец. — Ещё как женат! А ты ведь и не знала?

Слёзы громадными каплями скатываются по моему лицу. Я просто поверить не могу в реальность происходящего! Неужели он всё это время просто обманывал меня?

Я смотрю в беспросветно-тёмные глаза Павла Александровича, пытаюсь отыскать ответы, и вздрагиваю, как он удара, когда он медленно кивает.

— Да, я женат. И понимаю, как это выглядит, но я не обманывал тебя, Маш. Я женат только на бумаге. Наш брак давно стал простой формальностью. Мы давно живём раздельно...

— Тебе самому не смешно? — вклинивается папа. — Абсолютно тупая отмазка, используемая для всех любовниц в этом мире! Ещё скажи, что не разводишься из-за ребёнка, отношения с которым испортились и который тебя вдруг возненавидел!

Я отчаянно всхлипываю. Именно это он мне и говорил, позабыв упомянуть, что всё ещё женат. Даже если чисто на бумаге.

— Прекрати! — грозно рыкает Павел на моего отца. — Ты что, не видишь,

что причиняешь ей боль?

— Ты уже причинил! Твоими стараниями она сейчас вынуждена стоять здесь! Это ты всё испоганил! Ты не в ладах со своей башкой! Ты...

— Да, я виноват, — парирует Павел, — да вот только и с тебя это ответственности и вины тоже не снимает! Это ты попросил по старой памяти присмотреть за своей дочерью, которая уже вовсе не малышка, а взрослая и красивая молодая женщина. Она у тебя чистое золото...

— Золото, — со злостью выплёвывает в ответ отец. — Да после тебя, ювелир, пробы, поди, поставить некуда?

— Не смей её оскорблять! — предупреждающе говорит Павел, а я взрываюсь:

— Отпусти! Отпусти меня! — снова и снова пытаюсь выбраться из цепких рук папы. — Ты ничего не знаешь! Ни-че-го! Я люблю его! А он любит меня! И это я его соблазнила! А он... Он держался до последнего! А ты... Ты всё испортил! Зачем ты только приехал? Как узнал, где меня искать? Ненавижу тебя, слышишь? Не-на-ви-жу!

Отец встряхивает меня, и раздаётся звонкий хлопок. Мою щёку обжигает болью, голова резко дёргается, так, что шея хрустит, моментально начиная болеть. Я в полном шоке замираю, замолкая от неожиданности. Поверить не могу, что папа меня ударил!

Но в ещё больший шок меня ввергает Павел. С его губ срывается тяжёлый свистящий выдох, и он бросается прямо на моего отца.

Где-то в этом мире должны выдавать пособие о выходе из действительно запутанных ситуаций. Сейчас я особенно остро нуждаюсь в подобной брошюре.

Представляю, как открываю оглавление и отыскиваю главу с названием «Как остановить безумие, когда твой отец и твой любимый мужчина пытаются тебя поделить?».

Но в жизни, к сожалению, не прилагается инструкции по применению! Поэтому я словно в замедленной съёмке наблюдаю, как Павел и папа кидаются друг на друга.

— Не смей её бить!

— Не ты мне будешь указывать, как воспитывать собственную дочь!

— Ты что, совсем офонарел? Она же женщина! А ты её по лицу лупишь!

— Она — маленькая девочка, придурок! Ма-лень-кая де-воч-ка! — кричит отец, отталкивая от себя друга. — Если кто из нас и офонарел, то только ты! Она школу окончила два месяца назад, а ты её в койку потащил!

— Меня никто никуда не тащил! — отмираю я и бросаюсь вперёд, пробираясь между ними. — Папа! Меня никто никуда не тащил силой, не заставлял, не принуждал! Я сама, ясно? Сама! Он ни в чём не виноват!

— Прекрасно! — отец вскидывает руки вверх, и я шарахаюсь от него, врезаюсь в Павла. Тот машинально обхватывает меня руками, не давая упасть, и папа моментально реагирует на этот жест: — Убрал. От. Неё. Свои. Лапы! Не смей притрагиваться к ней! Твоё счастье, если ты её не обрюхатил! Ещё не хватало, чтобы ты, козёл, всю жизнь ей сломал своим неконтролируемым, эгоистичным либидо!

— Замолчи! Папа, послушай себя! Что ты несёшь?! Если бы ты не повёл себя, как обозлённый павиан и дал возможность нам всё объяснить, то ты бы

понял, что многое надумал!

— Я верю своим глазам, а не жалким отмазкам того, кого и мужиком считать теперь не могу! Мужики не спят с дочерьми своих приятелей от нефиг делать!

— Да ничего не было, ясно?! — не выдерживаю я.

Отец смеётся в голос:

— Замечательно, то есть, ты, Мария, ещё и врать сейчас мне будешь, глядя прямо в глаза? Этого тоже понабралась у своего хмыря?

— Тебе самому себе ещё не тошно? — тихо и спокойно спрашивает Павел. — Успокаивайся, Маш. И ты давай тоже утомонись. Хватит почём зря девчонку полоскать. Не врёт она тебе. Я же не конченный идиот, чтобы невинность её сорвать.

— Ты из меня дурака-то не делай! Я своими собственными глазами видел, что вы голые спали в одной постели. И ты мне будешь втирать, что и пальцем мою дочь не трогал?

— Пальцами — трогал. Губами — целовал. Дальше мы не заходили. Теперь ты доволен? — огрызается Павел.

— Конечно, я невероятно доволен, что ты мою дочь всяческому разврату научил!

— Да это твоя грёбанная обязанность! Твоя! Грёбанная! Обязанность! Ты должен был позаботиться, чтобы она ценила и берегла себя, не размениваясь на тех, кто непременно решит её попользовать. Другой на моём месте не стал бы заботиться о её удовольствии, а просто взял бы своё, учитывая, что она была совсем не прочь. Так что не надо тут сейчас из меня злодея делать, ладно? Я с ней в кошки-мышки не играл, всячески пытался остудить её пыл, но девчонка вбила себе в голову, что влюбилась именно в меня, глупостей собиралась натворить мне назло. Не было у меня выбора, ты понимаешь? Разве, когда любишь, можешь помыслить, что она готова лечь под другого тебе назло, только потому, что ты ей не даёшь желаемого?

— А ты, значит, добрый сказочник, исполняющий желания? Значит, вместо того, чтобы сразу мне сказать, что моя дочь хвостом перед тобой вертит, ты поддавался на её провокации? А я-то думаю, что это то она трубку не берёт, не звонит, то к тебе не прорваться. А последний наш разговор, вспомни, ты же мне втирал, что она с Лизкой гуляет, но ведь её голос я услышал фоном, я же не ошибаюсь? Ещё тогда прокрались какие-то подозрения, а потом Машка на сутки пропала, и я сразу подруге её позвонил. И снова Машеньки нет рядом. Ну, когда это один-два раза было, я бы решил, что совпадение, но если с Лизой моей дочери нет, трубка выключена, а голос слышится в твоём доме, это уже вызывает подозрения.

— И ты из-за этого приехал? — поразительно спокойно спрашиваю я. — Из-за того, что тебе послышалось?

— Нет, Маш. Я защитить тебя хотел. Чтобы ты жизнь себе не портила. Ты же мой ребёнок...

— Я — взрослая девушка, пап. Не ребёнок. Я могу делать свой выбор, совершать собственные ошибки, строить свою жизнь так, как считаю нужным.

— Пока ты сидишь на моей шее, ты мой ребёнок и должна делать то, что я велю.

— Считай, что уже не сажу! — выкрикиваю в ответ. — Нет у тебя больше

дочери! Я уеду жить в бабушкину квартиру и устроюсь на работу, ясно?

— Маша, не глупи, — смягчается отец. — Тебе нужно учиться, а не играть во взрослую жизнь. Успеешь ещё наиграться, встретишь хорошего парня, полюбишь. По-настоящему, понимаешь? Ты сейчас меня не понимаешь, обижена, но если ты подумаешь, то поймёшь, что совершила ошибку.

— Я уже люблю. По-настоящему. Павла. — отрезаю я, пятясь назад. — И я хочу быть только с ним. И ты мне этого не запретишь.

Отец смотрит разочарованно, его лицо разом стареет, искривляясь от внутренней боли. Но я должна расставить все точки раз и навсегда.

— Ты ударил меня, папа. Ты унизил меня при мужчине, который мне небезразличен. Ты оскорбил меня. И ты считаешь, что я сейчас могу выбрать твою сторону? Нет, папа. Я не могу. Ты сам это сделал. Не я. Не Павел. Ты. Поэтому тебе лучше сейчас уйти.

Я поворачиваюсь к Павлу, чтобы сказать, что я никогда не пожалею, но вижу всё по его лицу.

— Нет-нет-нет... — умоляюще шепчу я, вжимаясь в его тело.

Мужчина никак не реагирует на мои прикосновения, на мои жалкие попытки добиться от него какой-либо реакции, уговорить, требовать. Стоит в застывшей позе и смотрит прямо мне в глаза.

— Маш... Машенька... — говорит тихо, словно пытаюсь сделать так, чтобы мой отец не слышал его слов. — Наш курортный роман подошёл к концу. Это то, что мы обсуждали, о чём договаривались. Дальше — конец. Сейчас ты уедешь с отцом, и на этом всё, Маш.

— Нет-нет-нет... — я рыдаю в голос, упираясь лбом в центр его груди, где заходится в безумной агонии его сердце. — Пожалуйста, Паш. Не отказывайся от меня. Пожалуйста.

— Мы не можем, Маш, — мужчина целует мою макушку. — И не должны. Всё, что нам подарила судьба, это легкомысленный курортный роман. Время вышло, солнце. Будь сильной. Ты обязательно будешь счастлива. Просто это буду не я.

Отец отрывает меня от Павла, а тот не пытается остановить. Я, завывая от боли, пытаюсь вырваться, пытаюсь отстоять своё право любить, но папа просто тащит меня до машины прямо в этом пледе и запирает внутри.

Я ломаю ногти, раздирая пальцы в кровь, пытаюсь открыть заблокированную дверь, но у меня никак не выходит! Мне кажется, это время тянется бесконечно. Устав от бесполезных попыток и потоков слёз, которые не приносят облегчения, я затихаю, сильнее укутываясь в плед.

Жадно вдыхаю пропитавший плюшевую ткань аромат. Его запах, ставший родным, уютным и знакомым. И закрываю глаза.

Хочется проснуться и осознать, что это всего лишь кошмар. Так не бывает! Нельзя сделать человека таким счастливым, а потом сразу же отобрать это счастье!

Я слышу, как хлопает дверца багажника, когда отец ставит в него мой чемодан. Чувствую вибрации от хлопка водительской двери, гул мотора сотрясает моё тело.

— Ты мне ещё спасибо скажешь, — тихо произносит отец, плавно трогаясь с места.

Я оборачиваюсь на дом, в котором была так счастлива, и вижу стоящую у

распахнутой калитки сгорбленную мужскую фигуру. Слезы застилают мой взор, и я беспомощно всхлипываю.

— Никогда тебя не прощу. Это всё из-за тебя. Он бросил меня из-за тебя.

— Павел проявил себя по-мужски, ведь он понимает, что у вас нет и не может быть никаких отношений. И ты тоже совсем скоро выбросишь из головы всю дурь и поймёшь, что я в конечном итоге оказался прав.

— Я никогда тебя не прощу. — глухо повторяю я. — Никогда не скажу, что ты был прав, потому что нельзя испортить кому-то жизнь таким образом, что когда-либо это окажется правильным. И говорить с тобой я тоже больше никогда не стану.

Я отворачиваюсь к окну и вглядываюсь в синее-синее море. Такое же синее, как глаза Павла в самые безмятежные минуты рядом со мной.

Даже знай я заранее, чем окончится последнее лето детства, я ни за что на свете не променяла бы это время рядом с ним на что-то другое.

И пусть мне больно, пусть моё сердце разбито, а глаза полны слёз, пусть. Это неважно. Теперь я надеюсь отыскать ответ на следующий вопрос — сбываются ли мечты во взрослой жизни, ведь я столько раз загадала его любовь.